

ГРАНИЦА

Александр Ищук

СПЕЦГРУППА
«НЕЧИСТЬ»
- экспансия -

Третья мировая война продолжается.

Российская армия победным маршем входит в Германию.

И в первых рядах, как всегда, идут майор Александр Трофимов и бойцы диверсионно-разведывательной группы «Урал». Или, как зовут их знающие люди, — спецгруппа «Нечисть».

Во время прошлого наступления они сошлись в смертельной схватке с грозным противником, приобрели не совсем обычные знания и способности, и теперь именно «уральцам» поручено захватить загадочного офицера немецкой контрразведки.

И не важно, что их «объект» — генерал бундесвера Штольценберг, обладает не менее уникальными возможностями, чем бойцы Трофимова. Не важно, что специализация «уральцев» — не захват, а уничтожение противника. Важно одно: только майор Трофимов и его бойцы смогут на равных противостоять этому врагу.

Спецгруппе «Нечисть» вновь предстоит совершить невозможное...

Александр Ищук

Спецгруппа «Нечисть». Экспансия

*Выражаю огромную благодарность
за помощь в создании книги:
моей семье, Пименовой Екатерине,
редакторам Петру Разуваеву
и Александру Мазину*

На меня выплеснули два ведра ледяной воды. В сознание пытаются привести. Пришлось слабо застонать, показывая, что я начинаю приходить в себя. Интересно, когда им надоест? Уже вторые сутки доблестные немецкие контрразведчики выбивали из меня интересующую их информацию, но я пока молчал. Молчал, как белорусский партизан.

— Вставай, русская свинья!!! — потребовал всё тот же полковник. Бедолага, он уже вторые сутки не спал. Расколоть меня — это шанс! Шанс вознестись к облакам!!! Ведь поймать, да ещё и разговорить командира «Урала» — это невероятная удача, которая не снилась даже америкосам.

Командиром разведовательно-диверсионной группы «Урал» я стал почти два года назад. Через три месяца после начала Третьей мировой. Войны, идущей по сценарию Второй мировой. Так же, как наши предки, мы освободили свои земли и теперь пошли зачищать старушку Европу. Моя группа была необычной, притом — со всех точек зрения. Даже с таких точек, что не приснятся ни в каком кошмарном сне. Во-первых, мы все, кроме Борьки Зеймовича, закончили одну спецшколу «Валгалла». Во-вторых, из профессиональных военных в моей группе был ровно один человек — старший прапорщик Микола Ничипоренко. В-третьих, нашими прямыми командирами были два садиста первой гильдии, инвалиды головного мозга с рождения, монстры, которых боялись все, от рядовых до генералов: генерал-майор Ивлев, он же Барон, и полковник Зимин, он же Святогор.

— Вставай! — На меня вылили ещё одно ведро воды. Нервничает господин полковник. Торопится. Понимает, что скоро сюда набегут начальники, и его шанс улетучится.

— Саня, начинай медленно вставать, — скомандовал мне Полоз. — *Пытать тебя он больше не будет. Не успеет. Наша цель уже приехала к бункеру.*

— Парни на позициях? — поинтересовался я.

— Все как один, — подтвердил он. — Ждут твоего выхода.

Полоз. Он же «захребетник», он же — языческий дух, поселившийся в моём теле после одного весьма необычного рейда. Барон отправил мою группу проверить и зачистить развалины старого замка. Кто же знал, что этот замок когда-то давно принадлежал Владу Дракуле, и что америкосы именно в тот момент пытались этого самого Дракулу воскресить? Ну и вляпались мы... по самое не балуй. И порвали бы нас вампиры с оборотнями, кабы не герои сказок, живущие параллельной с нами жизнью и воюющие с давних пор. К счастью для нас, объединенная группировка языческой нечисти в тот же самый момент прибыла в тот же замок, чтобы оторвать голову Дракуле и компании, чем и спасла наши жизни. И не просто спасла, а подселила в тела четырех обормотов древних языческих духов. Я был одним

из четверки. Мне достался Полоз (или я ему достался). В общем, здоровенная змеюка поселилась в моём теле, сделав меня сильнее, быстрее, выносливее, чем обычный человек. Именно языческие духи помогли нам выстоять в битве с кровососами, но навсегда привязали нас к себе.

Я ещё раз простонал и попытался подняться, опершись на руки. Видимо, делал я это слишком медленно, потому что два надзирателя подхватили меня, протащили до стула и усадили.

— Майор, ты меня слышишь? — Полковник Бергер схватил меня за волосы, и резко дернул вверх.

— Да, — прошамкал я разбитыми губами. Товарищи «фашисты» были старательными ребятами. И лупили меня гораздо качественнее отечественных палачей. После того как благодаря завистникам Барона мы выжили в битве с вампирами, вся группа загремела под следствие. Обвинили в невыполнении приказа и в трусости. Но Барон был очень не прост. Пока нас месили дознаватели, он провернул хитрую комбинацию, благодаря которой мы были полностью оправданы. В процессе «оправдания» выяснилось, что и наш Барон, и наш Зимин уже очень давно знают про существование языческих воинов. Более того, и тот и другой сами имеют «захребетников» очень высокого уровня.

— Так вот, майор, — удерживая меня за волосы, зашептал Бергер. — Даю тебе последний шанс. Через пятнадцать минут сюда прибудет генерал Штольценберг, и тогда тобой займется совсем другая служба. Тебе, упряму, что-нибудь говорит название «Аненербе»?

— Нет, — прошептал я.

— Плохо, — усмехнулся полковник. — А такая «фирма», как гестапо?

— Да.

— Это замечательно, что в школе ты хорошо учился. Так вот, ведомство Штольценберга — это современный аналог гестапо. После того как ты попадешь в их руки, наши парни тебе покажутся мелкими проказниками, а наша контора — курортом.

— Воды дай, — начал я тянуть время.

Он не спеша наполнил пластиковый стакан. Трясущимися руками я поднес воду к разбитым и опухшим губам. Кое-как выпил, расплескав половину.

— Ещё.

Полковник взял у меня стакан и, смяв его в руке, сообщил:

— Вода будет, если ты начнёшь хоть что-то говорить!

— Что именно? — Мне пришлось придать голосу максимально возможную замученность.

— Господи, — взвыл Бергер, — ну почему вы, русские, такие тупые?! Тебя, идиота, уже два дня бьют, задавая один и тот же вопрос: какова цель операции твоей группы?!

Я откашлялся, сел более прямо и ответил:

— Слушай сюда, фашист. Сейчас ты дашь мне попить, а когда придет твой «Шпицберген», я сам решу — кому из вас отдать свою невинность.

— Что отдать? — не понял он.

— С кем из вас сотрудничать, олух.

Бергер несильно зарядил мне по ребрам, но взял новый стакан и наполнил его водой.

— На, подавись.

Со вторым стаканом дело пошло намного лучше.

— И закурить, — потребовал я.

Немец прищурился, сплюнул и швырнул мне пачку. Руки были в наручниках, поэтому пачку пришлось поднимать с пола. Бергер дал мне прикурить и отобрал сигареты. Я затаился и сразу же закашлялся. Докурить успел только до половины, когда дверь в камеру распахнулась, и вошёл Он...

* * *

— Майор, слышишь меня? Майор — это я. Нас всех повысили в звании и нацепили по ведру медалей.

— Майор, ты оглох? — продолжал шептать подполковник Карачев. Как же он меня достал за эти сутки!!! Подполковник был командиром штурмовиков ВДВ, которых нам придали (или — им нас придали) вместо морпехов Комарницкого. Барина и его янычар перекинули к морю, в естественную среду обитания, перекинули вместе с попами. А место морпехов заняли доблестные десантники, от поведения которых вне поля боя даже у меня волосы вставали дыбом.

— Майор, твою мать!

— Чего тебе, занудливый друг мой? — не выдержал я.

— А нас точно не заметят?

— Карачев, мама твоя лошадь, — зло зашептал Марся, точнее майор Сунгатов. Медалей Марсе насыпали только половину ведра, но вместо ожидаемого очередного капитана дали внеочередного майора.

— Ещё раз ты подашь голос, — продолжал Марся, — я тебя сам тут закопаю. Задрал уже. Целые сутки ноет. Захлопни пасть, я сказал!

Карачев, насупившись, заткнулся. Обиду подполковника можно было понять: ему приходилось подчиняться мабутя, салагам и пиджакам. В переводе на нормальный язык это означало, что он — кадровый офицер воздушно-десантных войск, должен был выполнять приказы мобилизованных по случаю войны, не имеющих классического военного образования офицерам-пехотинцам, которые были младше его и по возрасту, и по званию.

— Саня, всё готово, парни на позициях.

— Выдвигаемся. Карачев, ещё раз повторяю: прикинулись ветошью и не отсвечиваете. Если вас заметят — раскатают, как Бог черепаху.

— А вас? — уточнил он.

— А нас не заметят. Вы вступаете в игру только в том случае, если за нами будет хвост. Всё понятно?

— Понятно, понятно, — вяло протянул он.

— Саня, — сплюнул Марся в сторону десантников, — спалимся мы с этими помощничками.

— Не каркай. Пошли.

В чем-то Марсель был прав. Подготовка у десантуры была отвратительная. Из всего штурмового батальона только у старших офицеров был настоящий боевой опыт, про рядовой состав можно было с грустью промолчать: из пятисот рыл личного состава лишь пятнадцать процентов были обстреляны. Остальных пригнали из учебок.

— Чего «не каркай»? — продолжал ворчать Марся. — Они же только в тылу герои.

Береты на затылок, тельняшки наружу, лопатки вывернули и пошли. Штурмовики, мать их. По сравнению с парнями Комарницкого эти воины — детский сад, младшая ясельная группа с отставанием в умственном развитии. Ох, Барин, много бы я отдал, чтобы тебя вернули!

— Слушай, заканчивай ты гундеть. Офицеры же у них более-менее.

— Более-менее, — передразнил меня он, — бычье самодовольное. Ни хрена не умеют, а форсу как у комиссарши.

— Ты Булгакова недавно читал? — Я был поражен литературными познаниями друга.

— Смотрел. У Зямы на компе «Собачье сердце» записано.

Около минуты он шел молча, а потом его снова прорвало:

— Ты вспомни про тех майоров. Майоров, Санек! Они же профессионалы!! А мы их, как детей...

А мы их, действительно, как детей...

* * *

Три недели. Всего три недели дал нам Барон на реабилитацию после «следствия». Я, Марся, Ильдар и Олег оклемались за неделю. У меня даже выбитые зубы выросли, чему я был несказанно удивлен. Олег вообще за три дня восстановился. Точнее, его Яга поставила на ноги. А вот другим парням было сложнее. Ильдар в кратчайшие сроки вылечил Зяму, и они вдвоем занялись остальными. При этом Зяма врачевал в рамках классической медицины, а Ильдара «попёрло» в народную. Он лечил травами. На мой вопрос об источнике его неожиданно появившихся знаний он ответил кратко: Волк.

Симбиоз «классики» и «трав» дал великолепный эффект: через три недели мы уже не походили на филиал дома инвалидов и начали восстанавливать боевые навыки. Микола гонял нас круглые сутки. В «Валгалле» так не муштровали. Когда наши показатели начали соответствовать «доследственным», Зимин привез нас в прифронтовую полосу знакомиться с сослуживцами. Именно тогда мы с грустью узнали, что вместо утрюмых и молчаливых морпехов нам достались весёлые десантники. В штаб он взял только меня и Марсю.

— Господа офицеры! — поприветствовал Зимин командный состав десантников, входя в кабинет командира батальона. — Прошу знакомиться: командир специального подразделения «Урал» майор Трофимов и его заместитель майор Сунгатов.

Как и положено по уставу, мы отдали честь и уселись на отведенные нам места. Офицеры, судя по их количеству, были не все. Командиром десантников являлся полковник Ложкин. Как потом выяснилось, мужиком он был грамотным, воевавшим всю жизнь, с небольшими перерывами на лечение. Заместителем по боевой у Ложкина числился огромный, чуть меньше Зимины, майор Донских, а лучшим другом Донских был майор Чагадаев, возглавлявший их разведку. Именно эти два офицера на протяжении последующих двух недель старательно отравляли нам жизнь. Среди присутствующих офицеров мы заострили свое внимание ещё на двух персонажах. Первый — подполковник Карачев, который, как позже выяснилось, был патологическим трусом, боявшимся самостоятельно принимать любые решения. И второй, к нашему удивлению — православный священник отец Сергей. Сергей занимал пост офицера-воспитателя, до посвящения в сан он был десантником, капитаном, а несколько наградных планок на его рясе говорили о его немалом боевом опыте.

— Господа офицеры, — продолжил Зимин, — с сегодняшнего дня группа «Урал» будет расквартирована в вашем расположении. У них есть две недели на приведение себя в форму после вынужденного отпуска.

После упоминания о «вынужденном отпуске» Зимин грустно хмыкнул, а Ложкин понимающе кивнул головой.

— Поэтому прошу оказывать им всяческое содействие. К прибытию групп «Закат» и «Север» «уральцы» должны полностью восстановиться.

Услышав о скором прибытии Коваля и Загребина, командира «северян», мы с Марсей весело переглянулись.

— Товарищи майоры, — обратился к нам Ложкин, — для решения возникающих вопросов обращайтесь к подполковнику Карачеву, а в случае его отсутствия — к майорам Донских и Чагадаеву.

Ещё десять минут ушло на согласование всяких мелочей, после чего мы покинули штаб.

— А как называется эта деревня? — поинтересовался Марся у Зимина.

— Это не деревня.

— А что это?

— Это пригород Брегенца.

— И нам сразу стало всё понятно, — протянул Марся.

— Ох, бестолочи, — вздохнул Зимин, — Брегенц — это столица федеральной земли Форарльберг. Не забывайте это слово, а то мозги от перегрузки зависнут. Главное, запомните, что до границы с Германией всего пять километров!

— Мы счастливы!

— Заткнись, Марсель. Собирайте своих, и пошли, покажу, где вы будете обитать.

Через десять минут мы были на месте. Местечко оказалось очень живописным. Главной достопримечательностью было распложенное рядом кладбище. Мы удивленно уставились на Зимина. Он, заметив наши недоуменные взгляды, пояснил:

— Место на самом деле очень удобное.

— Так мы видим, — поддержал я Петровича. — Кладбище — это намек или оно нам для успокоения нервной системы?

— Сашок, вот только не говори, что оно вас как-то будет напрягать.

— Петрович, до знакомства с Дракулой и его компанией мы бы и внимания на него не обратили, а сейчас как-то неуютно.

— Это мягко сказано, — поддержал меня Ильдар.

— Расслабьтесь, парни. Это еврейское кладбище.

— Час от часу не легче! — моментально отреагировал Зяма. — Петрович, они же меня ночным сторожем назначат. Вечным. Заставят присматривать за земляками.

— Зяма, ты стал антисемитом? — притворно удивился Зимин.

— Нет, — настороженно ответил Борька.

— Тогда чего ты тут верещишь, как ограбленный еврей?! Посторожишь, не развалишься!!!

Мы вяло улыбнулись.

— Парни, расслабьтесь. Кладбище спокойное. Нет там ничего. Я проверил.

— Ну-ну, — буркнул Марся, — замок тоже был спокойным...

— Разговорчики! — прикрикнул Петрович. — Так, барахло разложите чуть позже, а пока проведём небольшую политинформацию. Итак, господа разведчики, пока вы балдели в

госпитале и щупали прыщавых медсестер за целлюлитные окорока, все остальные воевали. В итоге часть Западной Европы уже зачищена, мы находимся в Австрии, а перед нами — Германия, мать её. Опять.

— Добъём фашистскую гадину в её логове Берлине!!! — торжественным тоном возвестил Мамелюк.

— Враг будет разбит!!! Победа будет за нами!!! — поддержал его Зимин. — Далее. Неделю назад китайцы полностью оккупировали Японию и окончательно закрепились на Тихом океане.

— А америкосы чего? — поинтересовался Олег.

— В панике твои америкосы. Про их активность в Евразии можно забыть. Кроме того, китайцы начали переброску сил на пакистано-индийскую границу, так что Пакистан и Афганистан можно вычеркнуть. Основная цель косоглазых — это Турция и Греция.

— А Ирак? — спросил я.

— Его тоже можешь вычеркнуть. Америкосы уже выводят оттуда свои войска. Захват Японии совпал с выходом наших войск на границы Германии и Италии. Швейцарцы, как всегда, в нейтралитете, так что и до Франции недалеко. Соответственно, немчуре и макаронникам ни разу не интересно, чтобы наша солдатня топтала их посевы, пила их вино и насиловала их женщин, поэтому они выступили с инициативой о мирных переговорах. Вашингтон и Лондон, естественно, против, но к их мнению уже никто не прислушивается.

— А насчет «насиловать их женщин», особенно немок, можно поподробнее? — нехорошим тоном попросил Борька.

— Зяма, ты жаждешь мести? Замученные немцами родственники вызывают к отмщению?!

— Да положил я на родственников. Я жажду немок!

— Онанизмом перебеешься, — отрезал Петрович. — Согласно приказу Ставки — за изнасилование сразу ставят к стенке. О чем это я? А, переговоры! Немцы и итальянцы пытаются договориться с нашими, чтобы мы не входили на их территории, а наши требуют у них транзитного прохода войск к Атлантике и Средиземноморью.

— Будем валить англичан? — удивился я.

— Именно, — подтвердил Зимин, — Америка — Китаю, Англия — нам.

— Петрович, — я решил задать очень нехороший вопрос, — а если, к примеру, прилетит «ряктивный самолет» и принесёт «ядрёну бомбу»?

— Не прилетит, успокойся. Все прекрасно понимают, что ядерная война — это полный звиздец всем. Так что и дальше воюем по старинке.

— Успокоил. Теперь самый главный вопрос: для чего Барон собирает в непосредственной близости к границе Германии нас, «Закат» и «Север»? Немчура, когда узнает, если уже не узнала, нагонит в этот район всех спецов, что у них есть.

— Именно! — кивнул Зимин. — Немчура уже узнала и уже перебросила к границе всех, кто был рядом. И этот процесс продолжается.

— Так мы тут для заманухи? — предположил Микола.

— Правильно. Немцы уже ослабили свои позиции, сняв с других фронтов всех приличных спецов. Так что, пока Бундесвер будет ждать ваших подвигов тут, на других направлениях группы вроде ваших будут иметь неоспоримое превосходство.

— Петрович, то есть отпуск продолжается? — с надеждой спросил Марся.

Зимин так выразительно посмотрел на него, что всем сразу стало понятно —

бездельничать нам никто не даст.

— Ваша задача — до прибытия «Заката» и «Севера» восстановить форму. Вместе с ними приедет Барон. С его прибытием и начнется основная заварушка. И последнее: воевать вы будете вместе с десантурой. Восемьдесят процентов из них в настоящих боях ни разу не были. Прошу об этом не забывать. Но даже не это самое поганое. Самое поганое — они вас боятся. От рядовых до подполковников. Боятся до дрожи в коленях и массового поноса. Поэтому будут вам гадить. Все. Будут провоцировать всех. Самоутверждаться будут, поэтому терпим до приезда Ивлева.

— Ха, — разочарованно начал Вартанчик, — так с Бароном две группы наших приедут. Тогда не только десантники, всё живое разбежится.

— Ты лично хочешь начистить кому-то рожу? — правильно истолковал слова Вартанчика Зимин.

— Пока нет, но, судя по твоим словам, такое желание очень скоро возникнет.

— Для тебя ещё раз повторю: до приезда Барона придется сдерживать «души прекрасные порывы». Дальше. Сашок, — как-то нехорошо ухмыльнулся Зимин, — ты в детстве учителем не мечтал стать?

— Я только космонавтом мечтал, — с подозрением ответил я.

— Жаль. Твоя мечта могла бы осуществиться.

— Санек, чего-то мне не нравятся его вопросы, — угрюмо бросил многоопытный Марся. — Сейчас какую-нибудь гадость сообщит.

— Ты прав, Пятачок!!! — весело подтвердил Петрович. — В общем, дети мои, Барон повелел вам из состава десантников сформировать группу прикрытия.

— Кого сформировать? — не понял Марся.

— Из кого?! — обалдел я.

— Группу прикрытия. Из местной десантуры, — медленно, как умственно отсталым, пояснил Зимин.

— А на хрена она нам? — вкрадчиво спросил Микола.

— Для идиотов поясню: каждый раз, когда выполнение боевой задачи сопряжено с прорывом линии обороны противника, что, к счастью, бывает нечасто, мы вынуждены просить о подобном одолжении соседей. Об отношении соседей к нашим просьбам я тактично промолчу, а вот о качестве помощи — оговорку сделаю.

Петрович закурил и продолжил:

— Когда проводы или встречу обеспечивают разведчики — всё более-менее гладко. Но, когда нам в помощь отряжают штурмовиков или, не дай бог, обычную солдатню, — тут хоть караул кричи. О том случае, когда встречающая группа мотострелков начала стрелять по Ковалю, и ему пришлось их гасить, помнят все. Так вот, чтобы в дальнейшем вам не пришлось воевать со своими, наш мудрый Барон повелел: отобрать среди десантуры сорок рыл и натаскать их на прикрытие. С руководством этот вопрос согласован. Дело за вами. Вопросы, возражения есть?

— Есть, — подтвердил я. — Обучением неофитов будем заниматься только мы или «северяне» и «закатовцы» нам потом помогут?

— Помогут. Не переживай, — успокоил Зимин. — Ещё что-то, кроме мата и оскорблений вышестоящих командиров, есть? Нет?! Тогда всё. Месса окончена. Одержимые — ко мне, остальные начинают раскладывать шмотки. А Зяма идет прочесывать кладбище...

Одержимые — это я, Марся, Ильдар и Олег. Так нас Микола прозвал, после того как мы

рассказали о наших приключениях и показали «татуировки». Прозвище закрепилось. Если честно, поначалу я опасался, что остальные парни по тем или иным причинам отдалятся от нас. Первые же минуты после рассказа показали, что — нет. Все как один возжелали себе такие же «наколки». Особенно желал Зяма. Он очень сильно переживал, что из-за болезни пропустил такое приключение, и всё время требовал от нас наколку «Моше Даяна» во всю грудь и звезду Давида на спину.

— Сашок, ты видел среди офицеров местного попа, — то ли спрашивая, то ли утверждая, начал Зимин.

— Видел.

— Ваша задача: познакомиться с ним как можно ближе.

— Он пьющий?

— Можно сказать, что нет. Кроме того, он очень образованный человек и в меру строгий священник. Фортеля, которые вы откалывали с алкашами Комарницкого, с ним не прокатят.

— Петрович, — поинтересовался Ильдар, — а на кой болт нам сдался этот поп? Грехи наши он всё равно замолить не сумеет.

— Тут не о грехах речь. По данным Барона, а он, как вы знаете, ошибается крайне редко, отец Сергей — экзорцист.

От удивления у нас открылись рты.

— У меня было такое же лицо, когда Барон сообщил об этом.

— Петрович, а он нас кадилом не охреначит, если мы с ним наедине останемся?

— Нет, Сашок. Язычество для него, конечно, ересь, но с ним он бороться не будет. Тем более при попытке вас «атаковать», он погибнет.

— В каком смысле? — очередной раз удивился я.

— В прямом, родной, в прямом. Все подробности сосуществования с вашими «захребетниками» вам разъяснят Барон и Череп, который прибудет с ним.

— «Захребетники» — это наши «звери»? — спросил Марсель.

— Именно, — подтвердил Зимин. — Сейчас я лишь поясню: любой священнослужитель, любой истинной конфессии, который попытается провести какой-либо обряд, направленный на изгнание «захребетника», будет сразу уничтожен вашим «зверьем».

— А...

— Все подробности у Черепе, — не дав мне засыпать его вопросами, обрубил Зимин. — Ещё раз повторю: с десантниками не связываться, форму восстанавливать, с вэдэвэшным попом знакомиться. Меня направляют в Калининград. Приеду вместе с Бароном.

Ночь прошла спокойно. А в пять утра Микола поднял нас на первую пробежку. За дежурных остались Мамелюк, колено которого заживало очень медленно, и Зяма, который это самое колено и лечил. Через час, отмахав заданные Миколой десять километров, мы вернулись в расположение. Где нас ждал сюрприз. Мамелюк, довольный собой и жизнью, развалился в лежаче и курил сигару. Сидевший рядом с ним и также куривший сигару Борька заканчивал перевязку Димкиного колена. Зяма, как ни странно, был при этом в парадном кителе, на котором красовались новые майорские погоны, и в белых подштанниках. Около Зямы стояла пирамида из четырех чужих «калашей». Чужими они были однозначно, потому что мы все ходили с «никоновыми». Не дойдя до сибаритствующей парочки пятнадцати метров, мы увидели и хозяев «калашей». Из-за крайней палатки выбежала нестройная колонна из пяти человек. Четверо были рядовыми, а пятый, возглавлявший колонну, аж в

звании младшего лейтенанта. У всех пятерых на правых руках присутствовали красные повязки, от чего у меня возникло подозрение о принадлежности «бегунов» к комендантскому патрулю. Помимо красных повязок, у «бегунов» было и ещё кое-что общее: у всех были разбиты рожи. В основном — справа. Колонна добежала до наших дежурных, остановилась и достаточно дружно, вытянувшись по стойке смирно, прогорланила:

— Товарищ майор медицинской службы Российской Федерации, господин кцин бриют нефеш Армии Обороны Израиля, сборная комендантской роты, участвующая в праздничном марафоне, посвященном Красному Кресту, Красному Полумесяцу и Красной Звезде Давида, закончила одиннадцатый круг. Разрешите продолжить движение?!

— Разрешаю, — вальяжно ответил Зяма и выдохнул в сторону бегунов сигарным дымом. «Сборная» продолжила забег. Дождавшись, пока они отбегут подальше, я рявкнул:

— Зяма! Мамелюк!!! Вы чего тут устроили?!

— А, командир, — вальяжно отвечал Борька, — да мы тут местную комендатуру к спорту приобщаем.

— Идиоты!!! Давно под следствием не были?! Мамелюк, у тебя от предыдущего следствия нога не зажила, вторую желаешь подрихтовать?!

— Саша, да не ори ты так. Какое следствие? Мы их так зашугали, что они не только про нас не настучат, но и забудут этот пробег, как кошмарный сон.

Я набрал в грудь воздуха, чтобы рявкнуть на них посильнее, но не успел.

— Зяма, а с каких это пор ты стал психиатром? — с усмешкой спросил Ильдар. — На родной Израильщине ты поменял специализацию?

Вопрос Ильдара задержал воздух в моих легких.

— Нет, не менял, — отвечал Борька, делая затяг сигарой. — Эти шлимазлы не смогли запомнить, как звучала моя должность и звание в Земле обетованной. Пришлось до психиатра опускаться.

— Ильдар, ты стал понимать иврит? — поинтересовался Макс.

— Видите ли, Максим, — Ильдар очень точно копировал акцент и интонации Боряна в те моменты, когда он вспоминал, что он еврей, — обитая на протяжении двух лет с этим поцем в одной палатке — я имею в виду нашего Бореньку, — даже зачуханный араб начнет понимать его «ридну мову».

— Учись, студент! — воскликнул Борька.

— Так, господа евреи и примкнувшие к ним хриstopродавцы, — прервал я увлекательную беседу своих прохиндеев. — Зяма, объясняешь, что тут произошло, а остальные заткнулись и думают как будем отмазываться.

Борька поднялся на ноги, прокашлялся, сигару передал Ильдару и начал:

— Ой, да гой еси (не «гой», а именно «гой»), добры молодцы. Расскажу я вам былинку стародавнюю. Ста родавнюю, да правдивую. Как остались мы, сиротинушки, утром ранним да солнечным свою службу богатырскую нести. Короче, благодаря колену нашего симулянта, я балдею в расположении, делая вид, что лечу снайперскую конечность, так славно «обработанную» следствием. Чу! Послышался страшный то пот, затряслась земля, а солнце закрыли тучи!!! Из-за ближайших кустов появились пять всадников апокалипсиса. Точнее, один всадник и четыре оруженосца козлоногих. Все помытые, побритые, под горло застегнутые. У оруженосцев повязки червоны, автоматы воронёны, ботинки, правда, засраны, но — вид дюже грозен. А военачальник их, тоже с повязкой на рукаве, со звездой на погоне, маленькой да плюгавой, при одном пистолете системы «Макаров» и в фуражке красивой.

Очами косоглазыми «сверкат», дым из ноздрей «пускает», слюнями «брызгат». Подходят эти антихристы к двум воинам, о здоровье своем пекущимся, точнее — один печётся, второй тупо сигары переводит. Подходят, значит, и говорят человеческим голосом: «А покажите-ка нам, воины славные, свои аусвайсы. Ибо полоса прифронтная, шпиёнов в окрестностях бегают много, а мы вас знать не знаем, ведать не ведаем. Кто такие? Почему наше кладбище оккупировали?»

Отвечает тут воин старший, да мудрый: «А не пошёл бы ты, недолейтенант, на хер? Аль не видишь: воин старший, знанием великим обладающий, собрата своего от большого недуга избавляет?»

Услыхав такой ответ воина могучего, обиделся на него антихрист в звании младлея, ножками затопал, ручками захлопал, да как заверещит голосом кастрата: «Да как ты смеешь так со мной говорить?! Со мной, с начальником комендантского патруля! Мы вас сейчас по рукам и ногам цепями пудовыми свяжем, в комендатуру отнесем, а там закроем во подвалы во тёмны во тёмны, да во глубоки. А потом пытать начнем пытками страшными да кровавыми. Хворому да убогому воину Христову — вторую ногу ломаем. А тебе, морда жидовская, обрезание сделаем, да такое, что достоинство твоё станет недостойным!»

Услыхал старший воин слова антихриста богомерзкие, опечалился шибко. А и как тут не опечалиться, если перхоть тыловая так неуважительно обращается к майору спецназа? И неважно, что майор в одном исподнем стоял. По майору всегда видно, что он майор. Даже в бане.

Опечалился он, значит, и как даст антихристу комендантскому в рыло кулаком могучим. Тот сразу с копыт и упал. Глядь, а оруженосцы козлоногие за автоматы воронёны хвататься начали. Пришлось и им в табло зарядить.

Оглядел воин старший поле боя — нет врагов боле. Все лежат бездыханны. Собрал он их автоматы воронёны да пистоль системы «Макаров» у младлея вытащил. А потом на всякий случай, пошел в палатку свою да надел форму святую, с погонами новыми да шевроном золоченым. Очнулись в скорости вороги поверженные, увидали погоны майорские да шеврон золоченый. Увидали да так на месте и обдристались. И особо дристались они, глядя на шеврон золоченый, ибо начертано там: «УРАЛ!!!»

Стал думать воин старший: как наказать врагов за поведение их богомерзкое? И ничего, кроме кастрации, в голову его мудрую не приходило. Но тут пришел на помощь младший собрат его, хворый да убогий. И предложил он, заботясь, видимо, о здоровье антихристов, устроить им почётный марафон вокруг кладбища в честь медицинской службы, к которой старший воин имеет непосредственное касательство. И побежали враги за здоровьем своим вокруг кладбища, а богатыри-победители начали круги считать да присказку слушать. Тут и сказочке конец, а, кто слушал, с того десять шекелей!

Мы валялись от смеха, слушая былинку Борьки.

— Термит, — сквозь смех обратился я к Леньке, — будь ласков, сходи ко мне в палатку, принеси китель «святой с погонами новыми да шевроном золоченым».

— А, п-п-п-п-п...

— Потому что ты ближе всех, — ответил я на его незаданный вопрос. Вздохнув, Ленька пошел.

— Санек, а тебе китель для чего?

— Скоро антихристы прибегут, и к этому времени мне нужно быть при погонах, дабы они смогли убедиться, что богатырей не только много, но и то, что они при немалых звездах.

— Термит, — вдогонку Ленке заорал Марся, — мой «пинжак с карманами» тоже захвати.

К тому моменту, как мы с Марсей оделись, из-за той же крайней палатки появились марафонцы. Бежали они тяжело. Видимо, тыловая жизнь плохо сказалась на их физической форме. Увидав, что количество «богатырей» многократно возросло, а кроме того, среди них прибавилось два майора, бегуны резко сбавили темп. Судя по всему, в их головах пошел мыслительный процесс на тему: «как выпутаться из очень нехорошей ситуации, в которую мы попали». Добежав до нас и не получив никаких замечаний, они тормознули напротив Борьки и срывающимися голосами дружно затаили:

— Товарищ майор медицинской службы Российской Федерации...

— Отставить! — прервал их доклад Зяма. — Рав-няйсь! Смирно!! Равнение направо!!!

Комендантские дружно выполнили команды Борьки.

— Разрешите представиться: командир специального диверсионно-разведывательного подразделения «Урал» майор Трофимов Александр Викторович, — сообщил комендантским. — Это — мой заместитель майор Сунгатов. А та еврейская морда, что вам хлебальники разбила, — это майор медицинской службы Зеймович Борис Абрамович, он же «Зяма», он же «русский еврей».

После того как марафонцы услышали, командиром какого именно подразделения я являюсь, они сильно побледнели. Офицерик, было такое впечатление, собрался в обморок упасть, а рядовые, судя по виду, сильно жалели, что попали в комендатуру, а не на передовую. Мои парни с большим интересом наблюдали за реакцией комендантских.

— Интересно, — пробормотал Ильдар, — каких сказок им про нас наплели, что на выходе мы имеем такой шикарный эффект?!

— Лейтенант, ты живой? — осторожно, чтобы тот не рухнул в обморок, спросил я у офицера.

— Да, то есть так точно, господин майор!

— Зяма, ты их чем по голове бил? — видя моё замешательство от обращения «господин», спросил у Борьки Марсель.

— Честное благородное — только рукой, — поклялся Борька.

— А ты, Мамелюк?

— Я их вообще не трогал, — моментально ответил Димон. — Что я, псих — старшему по званию морду бить? Тем более офицеру! Тем более — чужому!!

— Зяма?

— Саша, клянусь крайней плотью — мордобоем занимался исключительно я! Димка даже встать не успел. Идея с марафоном его, тут темнить не буду, а по хлебалу — только я.

— Сашко, Зяма правду говорит, — подтвердил Микола, вплотную рассматривая повреждения «антихристов». — У всех повреждения справа, значит, бил левша. А левша из этих двоих только Зяма.

— Ладно. Следствие закончили. Теперь суд. Лейтенант, ты с нами?

— Что? — не понял тот.

— Ты можешь адекватно реагировать на мои слова?

— Так точно, господин майор!

— Твою мать, летёха, господа все в Париже. Обращайся по уставу.

— Так точно, товарищ майор.

— Слава Богу. Давай знакомиться. Кто такие? Чего тут нужно?

— Командир комендантского патруля северного округа Форарльбергской комендатуры, младший лейтенант Скирта, — отрекомендовался он.

Немного пораженный четкостью произношения словосочетания «Форарльбергская комендатура», я продолжил опрос:

— Чего тут забыли?

— По данному маршруту мы проходим два раза в сутки. Вчера днем никакого лагеря на этом месте не наблюдалось. Сегодня, обнаружив временные строения в виде палаток...

— Хорошо излагает, — порадовался Олег.

— ...и заметив двух лиц мужского пола без форменных знаков отличия, строго следуя инструкции, мы подошли с целью установления личности указанных субъектов.

— Установили? — усмехнулся я.

— Никак нет, — грустно вздохнул Скирта.

Я отобрал у Ильдара остатки сигары, затянулся и продолжил:

— Тебя, младлей, по имени-отчеству как?

— Сергей Сергеевич, товарищ майор.

— В общем, Сергей Сергеевич, я тебе сейчас расскажу о возможных вариантах развития твоей дальнейшей судьбы, а ты сам выберешь понравившийся.

— Нострадамус ты наш, — вякнул Петюня.

— Для начала преамбула: о твоём халатном отношении к служебным обязанностям, выраженным в счете ворон на вчерашнем инструктаже, я умолчу. Чего ты на меня свои глазки пучишь? О прибытии в расположение десантников нашей группы вам не сказать не могли. На это косвенно указывает тот факт, что за прошедшую ночь комендантские патрули проходили мимо нас девять раз. И ни один дурак не стал приставать к нам с глупыми вопросами. Следовательно, на инструктаже ты или спал, или ворон считал, или писал письмо любимой девушке. Которая тебя, один хрен, не дожждётся.

Скирта густо покраснел и робко спросил:

— Почему?

— Потому что ты, Сержа, мудака! — ответил за меня Вартанчик. — Ты бы и на фестивале мудаков занял бы второе место. Знаешь почему? Потому что ты — мудака!!!

— Продолжим. Обнаружив неизвестный тебе лагерь, ты ринулся выяснять, чей он. Это хорошо. Плохо другое — не выяснив, кто именно перед тобой щеголяет в исподнем, ты перешел к угрозам. Но и это не так страшно. Страшно то, что местный эксгибиционист майор Зеймович не только в одну харю настучал вам всем, приведя в бессознательное состояние, но и отобрал оружие. Как ты, надеюсь, понимаешь, потеря оружия на поле боя — а нахождение в патруле, да ещё и комендантском, это твоё поле боя — чревато военно-полевым судом и расстрелом. Это в худшем случае. В лучшем — разжалуют в рядовые и в штрафбат. Только не говори мне, что штрафных батальонов у нас нет.

Доблестный младлей стоял бледный, низко опустив голову. Руки его мелко дрожали. Рядовые, из числа патруля, стояли с открытыми ртами.

— Штрафбат касается только тебя. Твоих пацанят из патруля шлепнут сразу, без суда и следствия, возле комендатуры. Это — первый из возможных вариантов.

— А какой второй вариант, товарищ майор? — дрожащим голосом спросил один из рядовых.

Все дружно повернулись в сторону смельчака.

— А второй, мой смелый солдатик, сводится к обоюдному молчанию высоких

договаривающихся сторон. Для тугодумов поясню: вы собираете свое оружие и валите отсюда, к нехорошей маме. При этом и мы, и вы делаем вид, что никогда друг друга не видели, что майору Зеймовичу вы не хамили, он не бил вас по мордасам, не отбирал оружие, и вы не бегали марафон. В противном случае мы вяжем вас по рукам и ногам, несём к вашему начальству и сдаем с заявлением о нападении пьяных военнослужащих из числа патруля на майора Зеймовича и старшего сержанта Гуреева.

— Но мы же не пьяны, — прошептал младший лейтенант.

— Не переживай, младлей, будешь, — пообещал я. — Ну так как, господа военнослужащие, будем решать?

— По второму варианту, — ещё тише прошептал офицерик.

— Вот и славненько. Зяма, отдай товарищам их причиндалы, и пусть топают с миром.

Зяма, предварительно разрядив и автоматы, и пистолет, вернул патрулю их оружие и пообещал:

— В госпиталь лучше не попадайте. Сгною всех. Патрульные схватили оружие и, не зарядив его, ломанулись в сторону штаба.

— Санек, как ты думаешь, сдадут они нас? — поинтересовался Марся, глядя вслед улепетывающему патрулю.

— К гадалке не ходи.

— И чего делать будем?

— Радоваться жизни и бить морду Зяме.

— А комендатура? — не отставал Марсель.

— Петюня, — позвал я радиста, — ты с какого момента писал нашу беседу?

— Как Зяма былинку «затянул», так диктофон и включил. Такой шедевр необходимо сохранить для потомков!

— Вот! Хотя один истинный ценитель еврейского устного творчества нашелся!!! — порадовался Зяма.

— Слышь, ты, «Боян еврейский», ещё одна такая «былина», и я тебе сам морду начищу.

— В какой стране я живу?! — запричитал Зяма. — Таланта всяк норовит обидеть, а выпить никто не предложит...

Я смотрел на Борьку и прекрасно понимал: пугать его бесполезно. Пройдут сутки — и наш «русский еврей» опять вляпается в разборки, и я опять пойду его отмазывать. Этот процесс бесконечен. Как закат и рассвет, как смена времен года, как...

— Димон, собака, а ты как допустил подобное поведение со стороны майора Зеймовича? — вспомнил я про затихшего Мамелюка.

— Ты чего, командир, охренел?! — ответил тот. — Как я целому майору глотку заткну?! —

— Ух, ты! — притворно удивился Ильдар. — Значит, как в госпитале спирт жрать и медсестер отбивать, так «мы все равные среди первых», мы все «бармалеевские», мы все «разведчики». А как бздюлей огребать, так «я человек маленький»?!

— Так, татарин, — заступился за напарника Олег. — Ты чего не в своё подразделение с разборками лезешь? Вон у тебя целый майорский еврей или еврейский майор беспредел чинит! Вот его и воспитывай!!!

— Опа! — принял вызов Ильдар. — Я вижу, рядовой состав начинает «опухать». «Гидра анархии» поднимает голову?!

— Брейк, — скомандовал я. — Закончили дурачиться. Микола, будь добр, узнай насчет жратвы. Зяма, Ильдар, осмотр всех бойцов. Мамелюк, Олег, проверяете оружие. Петюня,

Вартанчик, где связь? Остальные чешем репу — из чего сделать летний душ. Ломанулись!

— Хохол, ты куда попёрся? — остановил Миколу Ильдар. — Ты — первый на медосмотр.

— Так я на кухню.

— Обождет твоя кухня. Болячки свои покажи, а потом вали хоть куда.

Микола, чертыхаясь, начал снимать футболку.

Через пару часов, плотно позавтракавшие и помывшиеся — за кладбищем обнаружился небольшой пруд, — сели мы думать: с чего начать? Пошёл мозговой штурм.

— Саша, — взял слово Мамелюк, — нам бы на стрельбище сходить. Я из „весла“ уже три дня не стрелял. Квалификацию не потерять бы.

— И штангу бы где-то раздобыть. Или гири, — попросил Вартанчик.

— Пилюлькины, а вам чего для счастья не хватает? — спросил я у медиков.

— Машины, — ответил Ильдар. — До местного госпиталя километров пять. Нам бы там показаться. У Зямы в этом госпитале кореш служит. Он нас и к делу пристроит, и полезностями всякими поделится, — закончил Ильдар, намекая на спирт.

— Насчет «поделится» — это ты загнул, — поспешил огорчить его Зяма. — Там такой куркуль — снега зимой не выпросишь.

— Как звать «куркуля»?

— Заместитель главного врача Бронштейн.

— Лейба Давидович? — намекнул я на Троцкого.

— Нет, — усмехнулся Зяма, — Владимир Петрович.

— Тогда порешим так: я, Марся, Микола, Термит и Петюня сейчас выдвигаемся в штаб.

— А я 3-3-3-3-3...

— Знакомиться с коллегами, — пояснил я Термиту. — Петюня будет пытаться радистов, Микола выбивать у тыловиков машину, а мы с Марсей будем близко знакомиться с местными офицерами и рекрутировать жертв для группы прикрытия. Остальные: отсыплются и следят, чтобы Зяма опять кому-нибудь в морду не за светил.

Двадцать минут потратили мы на сборы и выдвинулись к «заданным объектам». К этому моменту вокруг нас уже кипела армейская жизнь. Там и тут орали офицеры и сержанты, где-то рычала техника, нечасто мимо проезжали машины.

— Санек, — Марся щурился от утреннего солнца, — ты заметил, что первое любопытство, которое возникает у местных, сменяется неким ступором, если не страхом, когда они понимают — кто мы?

— Есть такое дело.

— Может, они нашего Миколу пугаются? — предположил Петюня.

— На себя посмотри, «квазимода», — вяло огрызнулся тот. — Сашко, зря вы с Марсей «парадку» надели. Это она так всех пугает. Местные же видят, что топают два мабутейских майора, надо поглядеть — кто такие? А у каждого из майоров на рукаве «Урал» написано. Тут и морпехи бы напугались.

— Сомневаюсь, — не согласился Марся. — Морпехи и без «парадки» знали — кто мы. И чего-то ни одна зараза не пугалась. Пёрли как носороги.

— Микола, в чём-то я с тобой согласен. Но есть пара нюансов. Во-первых, при знакомстве со штабными нам не придется объяснять, кто мы и откуда. По нам и так всё сразу

видно. А во-вторых, что самое главное: ну не мог я друга своего лишиться такой замечательной возможности — покрасоваться в новой форме. С майорскими погонами! С шевроном «Урал» на правом рукаве!!

— Чего?! — покраснев, затянул Марся под общий хохот.

— Шучу-шучу, — поспешил я его успокоить. — «Парадка» и погоны тут ни при чем. Я же понимаю, что всё дело в шевроне!!!

Помолчав, Марся заржал вместе со всеми. Подшучивая друг над другом, добрались до штаба.

— Микола, ждите тут, — попросил я. — Только помни про слова Зимина.

— Насчет самоутверждения местных?

— Именно.

Продвигаясь к кабинету подполковника Карачева, мы ощущали себя музейными экспонатами: все, кто нас видел, останавливались и очень внимательно рассматривали. Судя по реакции девяноста процентов зрителей, наш вид сильно не соответствовал той информации, что была сообщена местным. Разочаровали мы «аборигенов», но «аборигены» не разочаровали нас. Не первый раз мы сталкивались с подобной реакцией. Не первый раз нам придется доказывать факт того, что всё услышанное о нас — это не более чем детская страшилка. Реальность же — просто ужасна.

Увидев нас, подполковник Карачев вздрогнул. Мы недоуменно переглянулись. Испугался он, что ли? В любом случае — это хорошо! Нужно этим пользоваться!

— Здрав будь, воевода! — поприветствовал я Карачева. — Как служба? Не проказничают ли подчиненные, не одолевает ли враг постылый?

— Не мучает ли геморрой? Или прострелы в пояснице? — моментально поддержал меня Марся.

Пока он соображал, кому первому ответить, мы уже уселись за стол перед ним.

— Доброе утро, — наконец сообщил он. — Чем обязан?

— Видишь ли... э-э-э-э-э, — запнулся я, сообразив, что не знаю Карачева по имени. — Тебя, мил-человек, как звать-величать?

— Валерий Всеволодович. Но можно Валерий.

— Я — Александр, он — Марсель.

— Слушаю вас.

— Вопрос номер «раз»: нам полагается две легковые машины. Где бы их забрать? Вопрос номер «два»: связи у нас нет. Своего радиста мы привели. Куда его направить? Из той же серии будет вопрос о сапёре. Четвертый: как попасть на стрельбище? Наши снайпера закисло. Надо бы им удаль молодецкую потешить. И пятый: нам нужны люди. Человек сорок.

— Для чего? — удивился Валера.

— Баню будем строить, — вкрадчиво сообщил Марся.

— Какую баню? — опешил Карачев.

— Обычную. Русскую. С парилкой, бассейном и комнатой отдыха. А ещё сортир. На десять посадочных мест.

Карачев таращился на нас как на умалишенных. Шутка юмора не прошла.

— Валера, расслабься, — посоветовал Марся. — Шучу я. Люди нам нужны для тренировки группы прикрытия.

— Зимин сказал, что «в верхах» этот вопрос утрясен.

Валера судорожно вздохнул, отхлебнул чаю из кружки и, оправдываясь, затараторил:

— Машины я вам выпишу. Десять минут. Пойдете, в гараже получите. Радиста и сапёра проводит мой помощник. Насчет стрельбища — это тоже к нему. А вот людей дать не могу. Это не в моей власти.

— А в чьей? — поинтересовался Марсель.

— Это к майору Донских.

— Где его можно найти?

— Дальше по коридору. Последняя дверь налево.

— Хорошо, — кивнул я. — Давай так: ты сейчас бумаги на машины оформляй, а мы пока к вашему работоторговцу сходим. Потом к тебе заскочим за бумажками и за помощником. Добро? Вот и славно.

Выйдя в коридор, Марся резюмировал:

— Блин, малахольный какой-то. Не дай бог с ним на задание идти.

— Не накаркай, — поёжился я. И ведь, как показало ближайшее будущее — накаркал-таки Марся, и очень сильно.

Из-за указанной Валерой двери раздавался хохот в раскладе на две луженые глотки. Я толкнул дверь, но она оказалась закрытой. Тогда Марся со всей дури саданул по ней кулаком. Дверное полотно задрожало, смех прекратился.

— Это кто там такой борзый? — озвучил свой вопрос хозяин кабинета.

— Это кто там такой тупой? — спросил я в ответ.

— Сова, открывай! — поддержал меня Марся. — Медведь пришел!

Судя по всему, товарищ Донских являлся самым грозным из офицеров здешней десантуры. И теперь этот товарищ пребывал в легком замешательстве от наглого тона гостей. Дверь осторожно приоткрылась.

— А, спецназеры пожаловали. Чего нужно?

— Открывай, мамаша, двери. Дочка пьяная пришла, — ответил я Донских и толкнул дверь. Она не поддалась. Донских упорно не желал пускать нас внутрь.

— Майор, если не хочешь нас впускать, то выходи в коридор. Через дверь мне с тобой разговаривать ни разу не охота, — попросил я хозяина.

Хозяин молчал. Хозяин с удивлением рассматривал «иконостасы» у нас на мундирах.

— Майор! — гаркнул Марся.

— А? — «проснулся» он.

— Ты впускать нас собираешься?

Донских помялся, но сделал шаг назад и полностью открыл дверь. Как и ожидалось, в кабинете был майор Чагадаев. Мы вошли вслед за хозяином.

— Господа десантники, наше почтение, — поздоровался я с майорами.

— И вам не хворать, — кисло ответил Чагадаев и так же, как и Донских, «зацепился» глазами за награды. Не обращая внимания на реакцию второго офицера, мы прошли к столу и спокойно разместились. Слово взял Марся:

— Мы к вам, профессор, и вот по какому делу, — порадовал он окружающих своими познаниями в творчестве Булгакова.

— Чего?! — одновременно спросили десантники.

— Марся, не дави интеллектом. Короче, мужики, ваш малахольный подполковник сказал, что в этом кабинете размещается самый богатый работоторговец в вашем

подразделении.

Десантура молчала. Мы ждали.

— Малахольный — это Карачев? — наконец спросил Донских.

Мы закивали в знак согласия. И опять тишина минуты на три.

— А про торговлю рабами я так и не понял. А ты, Руслан?

— Нет. Станные они, да? — поддержал Чагадаев друга.

— Короче, спецура, мозги мне не трахают. А прямо говорим — чего приперлись?

— Тебя, майор, по имени как? — поинтересовался я у Донских.

— Для тебя, спецназер, я — майор Донских. А он, — Донских ткнул пальцем в сторону Чагадаева, — майор Чагадаев.

Я удивленно посмотрел на майора Донских. Глянул на Марсю, который с трудом прятал улыбку, и ответил:

— Тогда для вас, господа десантники, отныне, присно и во веки веков, я — Бармалей, а он, — я ткнул локтем Марсю, — Секач.

— Аминь, — подытожил Марсель. Вид у десантников стал несколько пришибленный.

— Так ты и есть Бармалей? — сдавленно спросил Чагадаев.

— Верно, майор Чагадаев. А теперь у меня к майору Донских вопрос интимного плана: мне нужны его бойцы. Рыл сорок. Будем из них «комитет по встрече и проводам» делать. Посему нижайше прошу выделить мне искомых солдатиков.

Донских, судя по всему, хотел ответить мне грубо и матом. Но известие о том, что перед ним сидят два офицера, которые, среди прочего, объявлены в международный розыск как военные преступники, не позволило воспользоваться свободой слова, гарантированной ему Конституцией. Он проглотил рвущийся мат и сдержанно ответил:

— Нет у меня свободных людей.

— Майор Донских, — самым елейным голосом начал я, — я не прошу дать лучших. Отдай кого не жалко. Ещё лучше — тех, кто ничего не умеет.

— В десанте таких нет! — с обидой, резко бросил Донских. — У нас служат лучшие!!!

— Тогда отдай худших из лучших. Наверняка в последнем пополнении есть такие. Мне много не нужно. Я не жадный. И офицера, самого завалящегося.

— Можно Гареева им спихнуть, — моментально сообразил Чагадаев.

— Помолчи, — рыкнул Донских.

— Вот! — поддержал я почин Чагадаева. — Первая жертва найдена. Давайте поморщим мозг и солдатиков найдем.

Судя по лицу Донских, он много, очень много чего хотел мне сказать. Но сдерживался, и это его бесило.

— Хрен с вами, — сдался он. — Найдете лейтенанта Гареева и отберёте вместе с ним сорок бойцов из последнего пополнения. Я распоряжусь.

— Спасибо, добрый человек, — поблагодарил его Марся. — Родина этого не забудет. Но и не вспомнит.

Донских молчал.

— Санек, — спросил Марся, когда мы вышли в коридор. — Надо бы узнать на всякий случай, чего же наплело местным их руководство про нас. Такой реакции я даже у пехоты не видел!

— Разберемся. Пошли к Карачеву.

У Карачева мы получили два распоряжения на машины и, забрав его замульку, вышли на улицу. Мои архаровцы сидели в тени. Тихо, мирно, как пай-мальчики. Жестом подозвал их к себе. Пока те, не спеша, двигались, поспешил познакомиться с заместителем Карачева. Замулька являл собой высоченного и худющего лейтенанта. Конопатое лицо, курносый нос, на котором держались очки с толстенными линзами, и умные глаза, в которых ещё светилося детское любопытство. Любопытство, не ведающее страха. Замулке было, максимум, года двадцать два.

— Лейтенант, тебя как звать?

— Исаев Николай, товарищ майор, — представился он.

— Очень хорошо. Давай, Исаев Николай, рассказывай: где у вас гараж, саперы, связь и стрельбище. И самое главное: где обитает первостатейный кусок дряни по фамилии Гареев.

— А откуда вы про Гареева знаете? — удивился он.

— Интуиция, помноженная на опыт, — сообщил я. Исаев ещё что-то хотел спросить, но подошли бойцы.

— Ну чего, командиры, будет нам счастье или самим придется всё выбивать? — грустно спросил Микола.

— Будет-будет, — обрадовал его Марся. — Сейчас лейтенант нам его и обеспечит.

— И бойцов дадут?! — не поверил Микола.

— А как же!

Хохол задумался, а потом с улыбкой поинтересовался:

— «Отходы»?

— Даже лучше!!!

— Инвалиды детства?

— Один инвалид: лейтенант Гареев.

— Такого ещё не было! — рассмеялся Микола.

— Считай, что это шанс повисить свои навыки воспитателя, — сообщил ему я. — Лейтенант, куда нам двигаться?

— К машине, — показал он рукой, с восхищением рассматривая Миколу.

Погрузившись в новенький «уазик», мы двинули обретать «счастье». Для начала высадили Петюню, потом Миколу. Последним был Термит. К месту обитания товарища Гареева мы ехали долго. Такое ощущение, что кругами. Наконец прибыли. Вышли. Осмотрелись.

— Ну Донских, ну сука!!! — было первой фразой Марси, когда он оглядел отданный нам на растерзание контингент.

— Это ты ещё летёху не видел, — хмыкнул я.

Мы прибыли в карантин. Тут отсиживались новобранцы. Но — было одно «но». Всем присутствующим буквально вчера исполнилось восемнадцать лет. Всем! Абсолютно!!!

Исаев сбегал к дежурному офицеру, передал приказ Донских и вернулся к нам.

— Скажи-ка нам, друг ты наш, а товарищ Гареев, которого нам продал Донских, чей-то сынулька или от природы дурак и тормоз?

Исаев посмотрел на меня, улыбнулся и вкрадчиво сообщил:

— Он, товарищ майор, от природы дурак, от тормоза рожденный.

— А кто у нас тормоз? — уловив намек, спросил Марся.

— А тормоз у нас, — летёха перешел на шепот, — генерал-майор Тухватуллин, заместитель командующего по тылу.

— А чего фамилии разные? Шифруются?! — поинтересовался я.

— Гареев его племянник, — открыл нам глаза лейтенант на суровую правду жизни. —

Там всё семейство — дауны первостатейные.

— Берём? — спросил я у Марси.

— Естественно! — подтвердил тот и разразился зловещим смехом.

Исаев чуть испуганно посмотрел на него и, судя по всему, решил задать вопрос, который мучил его всю дорогу:

— Товарищ майор, а разрешите вопрос личного плана?

— Жги, лейтенант, — милостиво дозволил я.

— А правда, что всю вашу группу в психушках набирали?!

Я кое-как сдержался, чтобы не расхохотаться. Марсель отвернулся и беззвучно ржал.

— Ну, как тебе сказать, мой юный лейтенант, — я сделал паузу и свел глаза к переносице. Потом согнал со своего плеча несуществующего крокодильчика, бормоча «Ушел, ушел, ушел», громко икнул и ответил:

— Отчасти. Меня и майора Сунгатова из зоны особо строгого режима для тех, кому пожизненно дают, выдернули. А остальных действительно из дурки.

Марся начал ржать в полный голос. Исаев переводил взгляд с меня на хохочущего Марсю и обратно. Наконец до него дошло, что я издеваюсь над ним, и он, совсем по-мальчишески, захихикал.

— Тебе кто таких страшилок наболтал? — поинтересовался успокоившийся Марсель.

— Офицеры в штабе говорили.

— А чего ещё говорили?

— Что всю группу после крайней операции закрыли в дурдом. Но какой-то Барон вас выкупил за бешеные деньги.

— Так, чего ещё? — продолжал допытываться Марся.

— Что вся группа отъявленные маньяки и садисты. Что вас как карателей используют. Что вы мирных жителей пачками расстреливали.

— А перед расстрелом-то хоть насиловали?

— Кого? — не понял Исаев.

— Крупнорогатый скот! — вырвалось у меня. — Мирное население! Его мы насиловали перед тем как расстрелять?

— Только женщин, — сообщил лейтенант и подозрительно поглядел на нас.

— Ну хоть в гомосеки не записали! — возразовался Марся. — Это всё или есть ещё что-то, заслуживающее нашего внимания?

— Вроде всё, — чуть смущенно ответил Исаев. Судя по всему, он собрался что-то спросить, но тут дежурный офицер явил нам господина Гареева, во всей его устрашающей красе.

Глядя на явленное нам тело, мне сразу вспомнился покойный Конь. Он же — полковник Жеребенков, которого Солодянкин подвел-таки под «вышку». На лице племянника заместителя командующего по тылу застыла вечная гримаса брезгливости. Брезгливости и отвращения ко всему живому. Судя по заспанной морде, их высочество только что вытащили из какой-то шхеры, где оно «давило на массу». Лейтенантик был высок и пухловат. Не жирный, а именно пухленький. Так что хотелось ущипнуть его за упитанную щечку, а потом пробить с ноги, чтобы стереть с его морды маску высокомерия.

— Лейтенант Гареев? — спросил я у него.

— Чё? — спросило их высочество. Дежурный офицер хмыкнул. Марся мгновенно зарядил Гарееву в «фанеру». Он, естественно, упал. Дежурный офицер удивленно округлил глаза, а Исаев восхищенно пискнул.

— Встать, — рявкнул я. Гареев приподнял голову:

— Тебе чего, майор, проблем захотелось? — поинтересовался он снизу.

Марся подскочил к нему и ударил кулаком в плечевой сустав. Гареев взвыл.

— Встать, — повторил я.

— Ты чё, сука! — завизжал он.

— Марся, друг мой нерусский, — я посмотрел на своего кореша, — вот скажи мне: почему у вас, у татар, всё так просто: или золото, а не человек — это я про Мулланурова и братьев Зариповых говорю аль про нашего Ильдарчика. Или — вот такое дерьмо?

— Это дурная монгольская кровь бродит, — пояснил Марся и скомандовал: — Встать!

— Я вам такие проблемы обеспечу... — начал запугивать нас лежащий племянник, но не успел. Марся ударил его в голову, и он отключился.

— «Уральцы», — ожил дежурный офицер, — а можно я вам ещё человек пятнадцать вот таких мудаков на воспитание отдам?

— У тебя денег не хватит с нами рассчитаться за оказанные услуги, — усмехнулся я.

Дежурный офицер в звании капитана улыбнулся и спросил:

— Мужики, а вы действительно не боитесь последствий?

— А нам, капитан, страх ещё в учебке ампутировали, — ответил Марсель. И продолжил: — Исаев, как только это чмо придет в себя — позови. А ты, капитан, строй своих пацанят. Выбирать будем.

Через две минуты перед нами в три шеренги стояли девяносто мальчишек, которые удивленно, а некоторые и со злорадством смотрели на лежащего без сознания Гареева.

— Вот что, парни, — я медленно шел вдоль строя, — мне нужно сорок человек. Из них мы скомплектуем группу. Те из вас, кому не повезет в нее попасть, в ближайшее время пройдут краткий курс обучения и в дальнейшем будут группой прикрытия разведывательно-диверсионной группы «Урал». Добровольцев прошу заткнуться и не дышать. Герои и панторезы мне не нужны. Смертников я отберу сам. Для начала, сынки, признайтесь: у кого есть разряды по легкой атлетике? Тот, кто желает признаться, — два шага вперед.

Из строя вышли шесть человек. Я вопросительно посмотрел на капитана. Тот утвердительно кивнул, подтверждая, что легкоатлеты вышли все.

— Хорошо. Далее: у кого есть разряды по борьбе. Под борьбой я подразумеваю самбо, дзюдо, вольную, классическую...

— А джиу-джитсу, товарищ майор? — спросил кто-то из задней шеренги.

— И джиу-джитсу, — согласился я. — В общем, борцы, два шага вперед.

К легкоатлетам вышли три человека. В том числе и поджарый парень из третьей шеренги, что спрашивал про джиу-джитсу. Среди борцов оказался бугай двух метров, весом килограммов сто десять.

— Сынок, — поинтересовался я у него, — скажи мне, только честно, ты бегаешь быстро?

— Нет, товарищ майор.

— Тогда, родной, извини. Встань обратно в строй. Парень с обиженным видом встал на место.

Я поймал недоуменный взгляд капитана и пояснил:

— Мне нужны «гончие». Или те, кто может ими стать. А из этого богатыря «гончая» не получится.

— Странные вы, — пробурчал капитан.

— Так, — обратился я к строю, — теперь выходят боксеры, рукопашники и, хрен с ним, кикбоксеры.

Вышли ещё двое. Итого: десять. Негусто.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — заговорил высокий парень, что стоял первым в перед ней шеренге.

— Говори.

— А баскетболисты вам не нужны? Я могу долго бегать.

— Ох, умница ты моя долговязая, — похвалил я его. — Так, кто связан с подвижными видами спорта или любит их, два шага вперед!

К отобранным присоединились ещё одиннадцать человек. Половина есть. Даже чуть больше.

— Капитан, — позвал я дежурного, — теперь сделаем так: ты сам выберешь тех, кто пойдет с нами. Тех, что получше, — оставляй себе, а похуже — нам. Только откровенных идиотов, пожалуйста, не подсовывай.

Капитан пошел вдоль строя, а сзади раздался стон приходящего в себя Гареева и возглас Исаева:

— Товарищи майоры, он очухался! Мы подошли к лежащему лейтенанту.

— Встать, — повторил я команду. Лежащий продолжал стонать.

— Вставай, проклятьем заклеянный, — поторопил его Марся.

Гареев кое-как поднялся и затравленно уставился на нас.

— Начнем сначала. Лейтенант Гареев? — поинтересовался я.

— Да, — ответил он и тут же получил сильнейший удар в левое плечо.

— Тебя, козленыш, твой высокопоставленный родственник разве не научил, как по уставу необходимо общаться со старшими по званию? — зло процедил Марся.

Сказать, что лейтенант был напуган, — не сказать ничего. Судя по его мордочке, с ним никогда так не обращались. Было ощущение, что он вот-вот заплачет.

— Дубль «три», — продолжил я. — Лейтенант Гареев?

— Так точно, товарищ майор, — затравленно прошептал он.

— Не слышу.

— Так точно, товарищ майор, — громко, сорвавшись на визг, ответил Гареев.

— Неплохо. Значит, так, дряни кусок, по приказу Донских ты поступаешь в наше распоряжение. По замыслу майора, ты должен возглавить группу десантников, приданную нам для обучения и дальнейших боевых действий. Приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит. Ты это понял?

— Так точно, товарищ майор, — чуть веселее ответил лейтенант.

— Но, глядя на тебя, я не горю никаким желанием отдавать тебе в подчинение солдат. В подчинение я бы тебе и черепаху не доверил. Всё равно она от тебя сбежит. Будем считать, что ты временно понижен в звании до рядового. Поэтому завтра в пять тридцать утра ты вместе с остальными должен быть в нашем расположении. Ориентиром для тебя будет старое еврейское кладбище. И запомни, дурашка, любое твоё движение или слово, идущее вразрез с уставом, немедленно повлечет телесное наказание. И родственник твой тебе не поможет. Попытка вытащить тебя из наших цепких рук обернется для него крахом карьеры.

Уяснил?

— Так точно, товарищ майор. Уяснил.

— Умница. А пока постой по стойке «смирно».

— Смирно, — крикнул Марся и отвесил тому пенделя.

Не став вмешиваться в обучающий процесс, я обратил свое внимание на капитана и процесс отбора. Процесс был почти завершен, и предо мной предстали чудо-богатыри! От вида богатырей я впал в меланхолию: почти все, кого отобрал «добрый» капитан, являли собой картину «Бахвальские крепыши». Как они в ВДВ попали? Я уже не спрашивал о том, как они вообще медкомиссию прошли...

— Всё готово, — отчитался довольный собой и жизнью капитан.

— Вижу, — вздохнул я. — Парни, те, кому не повезло попасть к нам в рабство. Постройтесь в две шеренги.

Пацанята довольно резво построились.

— Слушайте сюда. Завтра в пять часов для вас будет подъём. В пять тридцать вы должны, как один, стоять пред нашими грозными очами. Форма одежды: ботинки, штаны, тельняшки и пустые рюкзаки. Командиром первой шеренги, она же — первый взвод, я назначаю любителя баскетбола. Командиром второй шеренги, она же — второй взвод, любителя джиу-джитсу. И напоследок: лейтенант Гареев временно понижен в звании до рядового. На его приказы — плевать с Эйфелевой башни.

Я оглянулся на пару Марся — Гареев. Последний как раз вновь получил от Марселя в «фанеру».

— Разойдись, — скомандовал я «избранным», а сам пошел к Марсе.

— Ну что, друг мой, как наш доблестный лейтенант?

— Привыкает к тяготам и лишениям, — ухмыльнулся Марсель.

— Хорошо. Летёха, ты про «завтра» всё понял?

— Так точно, товарищ майор, — бодро отрапортовал он.

— Завтра и проверим. Пошли, Марся. Ну, Исаев Николай, вези нас обратно.

— Каким маршрутом поедem, товарищ майор? — поинтересовался у меня он.

— В смысле?

— Я полагаю, первыми нужно забрать сапера и связиста, а потом в автопарк?

— Правильно полагаешь, молодца!

Исаев чуть покраснел от похвалы и резво стартовал. Подъезжая к хозяйству саперов, мы заметили нездоровую суету, не свойственную представителям данной профессии.

— Наверно, Лёнька опять мину на «неизвлекаемость» установил, — предположил Марсель. — Как тогда, в «Валгалле».

Я лишь неопределенно пожал плечами. Как только мы вышли из машины, из здания к нам практически выбежал седовласый майор.

— Это вы командиры того придурочного заики?! — взревел он.

— Если мина установлена на «неизвлекаемость», то не верьте. Это пустышка, — быстро ответил я ему.

Майор резко остановился, не дойдя до нас три метра, развернулся и припустил обратно в здание. Мы не спеша последовали за ним.

— Слышь, ты, малахольный, — слышался крик майора, — там твои командиры приехали. Сказали, что мина твоя — пустышка. Так что отпускай заложников и выходи.

— Не понял! — воскликнул Марся. — Каких, в пень, заложников?!

Мы, теперь уже поспешая, миновали холлы, ломанулись по коридору, ориентируясь на голос майора.

Перед входом в некое помещение стояла куча народу, в том числе — пара бойцов в бронежилетах и с автоматами. Всего я насчитал одиннадцать человек. У четверых были сильно разбиты лица. Очень сильно. Чувствовался след Шуровкина. Точнее, не самого Шуровкина, а человека, прошедшего его школу.

— Саня, — Марся с улыбкой смотрел на пострадавших, — думается мне, это Ленка их приложил.

— Согласен. Вопрос в другом: чего смогли учудить местные, чтобы довести нашего Термита до такого состояния?! Он же не просто — спокойный удав. Он — три спокойных удава. Майор, — окликнул я седовласого офицера, который уговаривал Ленку «отпустить заложников», — если объяснишь, чего случилось, поможем тебе разрешить сложившуюся ситуацию.

— Вы, вообще, кто, уроды? — накинулся на нас он.

— Мы, отец, «уральцы», — пояснил Марся. — А ты кто?

И в очередной раз я порадовался за местное «сарафанное радио»: как только прозвучало название нашей группы, все матюки, которые седой майор собрался на нас вывалить, сразу застряли у него в глотке, а вокруг нас образовалась пустота.

— Это, — уже другим тоном начал офицер, — забирайте своего заика и валите отсюда.

— С удовольствием, — сообщил я. — Но для начала мы бы хотели услышать «занимательную историю про мальчика Бобби, который очень любил деньги».

— Про кого? — не понял майор.

— Отец, — вмешался Марсель, — не слушай ты его. Расскажи, чего тут у вас стряслось. И, если с вашей стороны нет никакого криминала, мы уйдем.

— Криминала?! — раздался возмущенный возглас прапорщика, что сидел с разбитым лицом. — Да вашего придурка самого посадить нужно!

— Спокойно, граждане, — не согласился я, — давайте выслушаем показания товарища майора. А потом примем решение.

Майор нервно дернул головой, достал сигарету, откашлялся и заговорил:

— Пришёл, значит, ваш пацан. Представился. Всё честь по чести. Я его отправил документы оформлять. Ну порядок у нас такой. А тот мудак, который сегодня на оформлении сидит, начал над ним ржать. Пацан ваш терпел-терпел, а потом говорит, но уже без заикания, мол, ещё хоть слово, и он тут всё разнесет. Микрюков, который на приёме сидит, ещё сильнее ржать начал. Да ещё и корешей своих позвал, придурок. А дальше, — майор нервно затаился, — слышу крики, и из кабинета народ по одному вперед башкой вылетает. Короче, парень ваш Микрюкова и кореша его там оставил, а остальным морду разбил и выкинул на хрен.

— И всё? — спросил я.

— Да если бы, — вздохнул майор. — Он к ним две мины привязал, а детонаторы к двери прицепил. Если кто войдет — всё взорвется к едреням!!!

Я наклонился к прапорщику с разбитым лицом:

— Это тебя, что ли, Термит отоварил?

— Да, — хмуро ответил он.

— Поздравляю.

— С чем?

— Сегодня у тебя, а также у всех, кто вылетел в коридор, второй день рождения. Шансов отправиться на тот свет у вас было как никогда много. А теперь самый главный вопрос: скажите мне, господа сапёры, где он взял мины и детонаторы?

— Видимо, в каптёрке, — задумчиво протянул майор.

— А там они откуда? — не сдавался я.

— Действительно, — опешил тот, — а откуда в каптёрке детонаторы и мины?!

Присутствующие начали недоуменно переглядываться.

— Может, с собой принес? — предположил кто-то.

— А откуда он всё это взял? — хитро спросил Марся.

Народ замолчал. Наконец до майора дошло:

— Так он нас на понт взял?

— Очень на это похоже, — подтвердил я.

— Ох ж, ты, мать твою, — выругался майор и со всей силы пнул закрытую дверь. Та врезалась в какое-то препятствие, и тут же раздался крик:

— Не толкайте дверь!!!

— Микрюков, это ты, что ли? — спросил майор.

— Я, блин, кто же ещё, — подтвердили из-за двери.

— Чего орёшь?

— Так мне в лоб дверью прилетело!!!

— Микрюков, ты не переживай. Мины и детонаторы у него не настоящие. Мы сейчас аккуратно дверь откроем и вас освободим.

— Какие мины? Какие детонаторы?! — завопил невидимый нам Микрюков. — Эта сволочь нас связала и возле двери поставила.

— А сам он где?

— На подоконнике сидит. Ржёт.

Я отстранил от двери майора, рвущегося освободить своих подчиненных, и крикнул:

— Термит, ты там?

— Да.

— Лёнька, оттащи этих недоумков от двери и открывай.

— Ага.

За дверью послышалась возня и приглушенный мат заложников.

— 3-3-3-3-заходите.

Майор тут же ломанулся внутрь. На полу, в позе низко бегущих египтян, привязанных жопка к жопке, расположились два прапорщика. Рядом с ними стоял улыбающийся Термит. Народ, как увидел эту живописную композицию, так и покатился от смеха.

— Лёня, ты всё сделал, что хотел? Термит закивал головой.

— Тогда валим отсюда. Нам ещё Петьку и Миколу забирать. А эти паразиты могут отмочить номера и по хлеще!

Пользуясь суетой и непрекращающимся хохотом, мы выскользнули на улицу. Уже в машине я скомандовал:

— Исаев, на максимальной скорости к радистам!!!

Тот резво стартовал. В хозяйстве радистов всё было спокойно. Медленно, можно сказать, робко, мы просочились внутрь здания. Дежурный сержант, что сидел у входа, вскочил и поинтересовался:

— Товарищи майоры, вы к кому?

— Около часа назад к вам прибыл наш радист. Нам бы его найти.

— Это тот, кого Петром звать?

— Именно.

— Он в радиомастерской. Вниз по лестнице и направо.

В радиомастерской мы увидели пятерых человек вместе с Петюней. Точнее, увидели их ноги и задницы. Всё остальное было погружено в какой-то здоровый металлический шкаф. Из этого же шкафа раздавался голос нашего Петьки:

— Так вот, — бубнил он, — если эти хреновины соединить напрямую, минуя главный блок, мы получим нужное усиление сигнала. Но это чревато перегревом цепи, что лечится, как вы уже поняли, отсутствием внешней крышки и обычным напольным вентилятором.

— Как всё просто, — удивленно произнес кто-то.

— Просто, просто, — ворчливо загундел другой голос. — Сами додуматься не могли?! Второй месяц нас начальство сношает, а проблема решается за десять минут. Олухи вы, братцы мои.

— Нас такому не учили, — начал оправдываться третий голос.

Не дожидаясь продолжения разборок, я решил сообщить о нашем присутствии:

— Здравия желаю, хозяева. Мне бы радиста своего забрать.

Народ медленно попятился назад, выбираясь из нутра шкафа. Через минуту перед нами стояли полковник, два майора и капитан. Все связисты.

— День добрый, товарищи майоры, — поприветствовал нас полковник. Судя по голосу, это он называл остальных олухами. — Вам кого?

— Нам бы, товарищ полковник, радиста нашего забрать, если он тут всё закончил, — ответил я и показал на стоящего позади них Петьку.

— Так это вы командиры Петра? — уточнил полкан.

— Так точно, товарищ полковник.

— Меня, майоры, Евгением Вадимовичем звать, — представился он, — можно без чинов и регалий.

— Александр.

— Марсель.

— Очень приятно, — по очереди пожал он нам руки. Судя по его тону, ему действительно было приятно. — Александр, — полковник присел на край стола. — Скажу вам прямо: таких спецов, как ваш Пётр, я не встречал! У него просто энциклопедические познания предмета!!! Я понимаю, что вы нам его не отдадите, но и не попросить о помощи я не могу.

— О какой помощи, Евгений Вадимович?

— У нас куча устаревшей техники, которая не хочет нормально работать. Новую нам, естественно, не дают. А мои оболтусы, — он кивнул в сторону своих подчиненных, — старую чинить не умеют. Ваш Пётр не только знает, как с ней работать, но и за десять минут, без диагностической аппаратуры, при помощи лома и какой-то матери, выявил причину неполадки и удивительно простым способом её устранил. Поэтому слёзно прошу вас одолжить нам вашего Петра для проведения ремонтных и наладочных работ.

— О каком периоде времени идет речь? Вместо ответа полковник вопросительно уставился на Петюню.

— Петька, — я глянул на своего «связьнюка», — всё прогрессивное человечество смотрит на тебя. Сколько тебе нужно времени?

— Сань, — прищурился тот, — если ковыряться по восемь часов в день, за два дня управлюсь.

— А если в свободное от службы время? — сразу уточнил я.

— Ну дней за шесть, — протянул он.

Я перевел взгляд на связистов, но озвучить своё предложение не успел.

— Скажите, Александр, — полковник крайне удивленно, как и его офицеры, смотрел на меня. — Такое дикое нарушение субординации — я про обращение рядового к офицеру — является нормой в вашем подразделении?!

— Так точно. Мы же разведчики. К тому же заканчивали одну спецшколу. А там нас дрючили оптом. И на звания не смотрели.

— Это что за учебное заведение такое? — заинтересовался он. — Не «Валгалла» ли?

Мы выразительно молчали. Полковник сообразил, что спросил лишнее, и сразу перевёл разговор в прежнее русло:

— Так что вы там про сроки говорили?

— Евгений Вадимович, мы с удовольствием одолжим вам нашего гения, но с рядом условий.

— Так-так-так, — заинтересовался он.

— Во-первых, работать он будет после шести часов вечера. Днем нам необходимо восстанавливать навыки после продолжительного перерыва.

— В госпитале были? — сочувственно поинтересовался полковник.

— Нет, — усмехнулся я. — Под следствием. Всей группой.

Евгений Вадимович прищурился и, что-то вспоминая, поинтересовался:

— Не вас ли, судари мои, в невыполнении приказа обвиняли, потом под «дурку» подвести пытались, а потом вообще освободили?

— Нас, — ошарашенно подтвердил я.

— Не удивляйтесь, Александр, — не дал он мне озвучить вопрос об уровне его информированности. — Мы — связисты. Всё, абсолютно всё проходит через нас. А уж такая весть, как «залет», если так можно выразиться, подчиненных самого Барона, не могла пройти мимо меня!

— Вы знакомы с Ивлевым?

— Лично — нет. Но очень много о нём слышал. Так, а что у вас «во-вторых»?

— Во-вторых, — промямлил я, всё ещё находясь под впечатлением от информированности связиста. — Во-вторых, кормёжка этого героя полностью ложится на вас.

— Само собой, — согласился он.

— И в-третьих, норма рабочей жидкости для протирки контактов должна быть на пятьдесят процентов выше нормы, — вкрадчиво намекнул я на спирт.

— Эх! — радостно воскликнул полковник и хлопнул ладонями по коленям. — Приятно иметь дело с человеком, знающим терминологию, к тому же не жадным! Все ваши условия приняты. К какому времени нужно подготовить первую порцию рабочей жидкости?

— К завтрашнему вечеру, — ответил я. На этой приятной ноте мы расстались.

— Сань, ты чего такой добрый? — поинтересовался Петюня, когда мы вышли на улицу. — Про укрепление связей и организацию системы информаторов можешь не говорить.

— В свете произошедших событий нам необходимо зарабатывать положительное мнение

о нас.

— Микола кого-то порвал?

— Если бы! Термит с местными сапёрами схлестнулся.

— И?! — крайне удивлённо протянул Петюня.

— Всё ограничилось мордобоем и угрозой взрыва.

— Ну он хоть победил?

— Победил-победил, — проворчал я. — Сегодняшняя победа Зямы и подвиг Термита нам ещё боком вылезут. Надеюсь, хоть Микола не отличится.

— А он может! — жизнерадостно подтвердил Петька.

К моему огромному облегчению, в автопарке всё было тихо: ни суеты, ни групп захвата, ни жертв, ни разрушений. В процессе поиска нашего хохла мы натолкнулись на не очень трезвого прапорщика. Тот, стараясь дышать в сторону, пояснил, что нам нужно идти «на песню». Мы прислушались. Где-то рядом звучал дуэт в зюзю пьяных солистов. «Ніч яка місячна, зоряна ясная» выводили певцы, одним из которых точно был наш Микола.

— Кажется, пронесло, — облегчённо выдохнул Марся.

Немного покружив по автопарку, мы вышли к белому кирпичному строению в два этажа. На двери красовалась табличка «Заместитель начальника автопарка ст. прапорщик Базюк В. Ю.». Из открытого окна этого строения и неслись финальные строчки украинской народной песни.

Мы подкрались к окну.

— А шо, куме! Гарно мы с тобой співаєм?! — поинтересовался неизвестный нам субъект.

— А то!!! — подтвердил Микола.

— Ещё по одной?

— Ни. Мене хватит. Скоро мой командир приидить, шо ругаца буде.

— Та тю на него!

— Це на твоего — тю, — ответил Микола, — а мого не трогай! Вин у мене хороший!!!

— Ну ни, так ни, — не стал спорить местный земляк нашего хохла.

— Микола, — зашептал я в окно, — алкаш пархатый. В нарядах сгною, синь хохляцкая.

Вместо ответа Микола взял со стола початую бутылку, долго на нее смотрел, а потом поинтересовался у собутыльника:

— Юрьевич, а с чего ты гонишь? — судя по всему, интересуясь: из какого продукта произведена та бурда, что они пили.

— С картоплю, — ответил тот.

— Странно, — почесал макушку Микола.

— Чего странно?

— Натуральный продукт, а глюки пошли, — задумчиво ответил наш хохол.

— Какие глюки? — встрепнулся Юрьевич, забыв про «ридну мову» и явив чистейшее произношение русского языка.

— Так, показалось мне, что командир меня обругал.

Юрьевич на мгновение задумался, а потом резко повернулся к окну:

— Здра-а-а-авствуйте, — испуганно протянул он, увидав наши рожи, и ткнул Миколу в бок. Микола неспешно повернулся, сфокусировал взгляд на нас и абсолютно трезвым голосом сообщил:

— О! Сашко с Марсей пришли. Как сходили, командиры?

— Здравия.... — попробовал было отрапортовать прапор, но Микола цыкнул на него:

— Ша, плесень тыловая! Тебе рот открывать ещё нельзя! Так — как сходили?

— Результативно, — усмехнулся Марся. — Машины будут?

— Обижаешь! — ответил Микола и показал две связки ключей. — Новые «Тигры»!

Мы с Марсей обалдевше переглянулись.

— Откуда такая щедрость?

— Так земляка встретил, — с хитрым прищуром начал объяснять Микола, — вот он мне и отвалил с барского плеча.

— Ну добро, — хмыкнул я и кивнул на недопитый пузырь: — Ты тут закончил?

— Закончил.

Микола повернулся к Юрьевичу:

— Ежели кто обижать станет — только свистни... Два земляка душевно попрощались, и мы двинули в сторону машин.

— Микола, ты чего «про помощь» этому «куску» пообещал?

— Он, Сашко, к одной крале, из штабных, любовью большой воспылал, — начал пояснять Микола, — и всё у него было хорошо, пока не появился конкурент из десантуры. Тоже прапор, но с продовольственного склада...

— Высокая трагедия, — рассмеялся Марся.

— ...до мордобоя у них ещё не дошло, — продолжал Микола, — но десантник грозит, что приведет с собой подмогу. Юрьевичу, ясен пень, никто помогать не станет, вот я и намекнул ему, что могу подсобить за умеренную плату.

— Тонко сработал, — похвалил я своего хохла. — А как про «высокую трагедию» узнал?

— Я же разведчик! — выпятил грудь Микола. — И водку пить я начал не с Юрьевичем, а с его подчинёнными. От них и узнал. А вот и машины!

— Микола, я тобой горжусь!!! — похвалил я его и за находчивость, и за добытые машины.

Пока осматривали «Тигры», пока заправляли, пока выбирались из автопарка, рассказал обо всём произошедшем. Вопреки моим ожиданиям, Микола похвалил Термита:

— Молодец, Лёнька! Правильно всё сделал! Я чего скажу, командир: все тыловики, от поварят до начальников складов, переведены сюда из резервных частей десять дней назад. Все! Поэтому они наглы до неприличия. И им, баранам, нужно объяснять, что с солдатней нужно быть хитрым, но вежливым, а не борзым и высокомерным. Это уже не первый случай. На прошлой неделе двух тыловых офицеров отметелили.

— А особисты? — поинтересовался я.

— Тишина. Особисты пришли с десантурой. Есть мнение, что именно особисты тех офицериков и «уработали». Поэтому Лёнька всё сделал правильно!

— Ты только ему об этом не говори, — попросил Миколу Марся.

— Добро.

Подхватив Леньку и Петюню, мы отправились к своим. Появление «Тигров» вызвало нездоровый ажиотаж. В итоге одной машиной завладели Зяма и Ильдар, вторую отстояли Олег и Димка. Прежде чем отпускать и тех и других к тыловикам, я публично «высек» Лёньку, введя всех в курс дела, предупредил о наглости тыловиков и сообщил, что завтра утром прибудет группа салаг-десантников.

Остаток дня прошел без жертв и происшествий. Медики побывали в госпитале,

снайперы на стрельбище. И те и другие добились нужного им результата. После отбоя сели с Марсей, Миколой и Олегом составлять «учебный план». В итоге: Марся и Олег постоянно спорили, Микола высказывал мудрые мысли, я их просто записывал. На двадцать третьей минуте составления плана в лесу, до которого от нашего лагеря было метров пятьдесят, хрустнула ветка. Я остался очень доволен и своей реакцией, и реакцией своих бойцов: из-за стола, где мы расположились, сдуло всех и сразу. Когда разум вернул контроль над телом, я обнаружил себя стоящим за мешками с песком, которые парни успели частично разложить вокруг лагеря, и наблюдающим за лесом через прицел автомата. Беглый осмотр показал, что Марся залег левее, справа Микола уже развернул пулемёт, а Олег нырнул далеко в темноту в сторону леса.

— Хой! — раздалось из леса. Мы облегченно выдохнули. «Хой» — это условный сигнал бойца в охранении, который ликвидировал опасность.

— Вартанчик, чего там? — послышался из темноты голос Олега.

— Марся, подсвети, — попросил Микола.

В луче прожектора, направленного на границу леса, появился Вартанчик, который тащил на себе чьё-то тело.

— Олег, замени, — скомандовал Микола. Тот сразу же нырнул в лес, временно сменяя Вартанчика на посту. Вартанчик максимально быстро добежал до лагеря и аккуратно уложил тело на землю.

— Твою мать! — Марся первым осмотрел пленного.

— Твою мать! — поддержал я приятеля, разглядывая отца Сергея, лежащего без признаков жизни.

— Марся, Ильдара сюда! Бегом!!! Вартанчик?!

— Не переживай, командир. Я его просто вырубил, — успокоил меня тот.

— Рассказывай, — попросил я.

— Смотрю, со стороны штаба идет тело. Идёт спокойно. Не прячась. Но, как только он дошел до поворота, так резко нырнул с дороги в лес. Минуты три наблюдал за лагерем, а потом начал красться, если так можно сказать, через лес в вашу сторону. Оружия при нём я не заметил, поэтому решил для начала вырубить. Как только он наступил на ветку, я его и выключил. Пригляделся, вроде — священник. Решил, что, прежде чем резать — тебе покажу.

— Молодец! — похвалил я. — Давай на пост. Через сорок минут я тебя сменю.

— Хорошо, только отолю, — и метнулся в сторону сортира.

— Готово, — отчитался Ильдар за моей спиной о проделанной работе. — Пациент скорее жив, чем мертв. Но головная боль пройдет не скоро.

Я повернулся к пленному священнику. Отец Сергей уже сидел на заднице, потирая ушибленный затылок, и угрюмо рассматривал моих архаровцев, собравшихся вокруг него.

— Какого хера, батюшка?! — вместо приветствия поинтересовался я. — Убить же могли!

— И тебе — вечер добрый, сын мой, — степенно отвечал святой отец, морщась от боли. — И вам, дети мои, доброго вечера, — поздоровался он с остальными.

— Здравствуйте, — послышалось недружное приветствие.

Отец Сергей, кряхтя, поднялся, отряхнул рясу и с усмешкой спросил:

— А чего же не убили?

— А вы не с той стороны шли, — ответил Ильдар и пояснил повернувшемуся к нему батюшке: — Шли бы со стороны кладбища — встретили бы майора Зеймовича. А он сначала

режет, а потом спрашивает.

— Зеймович — еврей? — поинтересовался батюшка.

— Махровый, — подтвердил Ильдар.

— Учту.

Он оглядел всех присутствующих, остановил взгляд на мне и предложил:

— Майор, как насчет исповедаться?

У меня от удивления открылся рот, а бойцы покатались от смеха. Когда ржач — по-другому это не назовешь — стих, я поинтересовался у недоуменно оглядывающегося священника:

— Вы знакомы с отцом Алексием? Сергей задумался и уточнил:

— Это морпеховский священник?

— Да, из бригады Комарницкого.

— Только заочно. А к чему ты вспомнил про этого алкаша?

— Ностальгия замучила, — уклонился я от ответа. — Насчёт исповеди — вы серьезно?

— Абсолютно.

— Боюсь, недели не хватит, чтобы перечислить все мои грехи. К тому же мне через полчаса в караул идти. Менять того героя, что вас по черепу отоварил. Но о причинах вашего странного появления я послушаю с большим интересом. Прошу за стол.

Расселись. Микола, хозяйственный наш, быстро притащил чайник и галеты.

— Вещайте, батюшка. Публика у ваших ног. Сергей отхлебнул из кружки и начал:

— Весь штаб жужжит о ваших сегодняшних подвигах. Такого ажиотажа и разброса мнений об одной группе лиц я не слышал никогда!

— Конкретика будет? — из-за спины священника спросил Ильдар.

— Извольте: местные саперы требуют ареста и расстрела вашего подрывника. Термит, кажется, его позывной. Связисты поют дифирамбы вашему Петру и просят его наградить. Завхоз обвиняет старшего прапорщика, — он кивнул в сторону Миколы, — в саботаже, ибо четверо подчиненных оказались пьяны после его появления в автопарке, а Базюк отдал вам новые «Тигры», которые завхоз планировал оставить себе. Офицеры из карантина намекают на необходимость направить к вам на обучение всех моральных уродов, прибывших с последним пополнением, вне зависимости от звания. Начальник стрельбища просит ваших снайперов назначить инструкторами, хотя бы временно. А из госпиталя пришла телефонограмма за подписью Бронштейна. Дословно не помню, но смысл таков: «На нас сошла благодать Божья!»

Я оглядел свое притихшее воинство. Воинство мерзко улыбалось.

— Санёк, — окликнул меня Марся, — ещё Макс и пулемётчики не отличились! Непорядок!

Он посмотрел на моё сосредоточенное лицо и продолжил:

— Расслабься. Ты же помнишь истину: если бардак нельзя предотвратить — его нужно возглавить!

Никак не прокомментировав слова Марси, я спросил у батюшки:

— А Ложкин чего?

— Послал всех по известному маршруту и велел с жалобами, похвалами и рационализаторскими предложениями в отношении вас обращаться к полковнику Зимину, когда тот вернется из командировки.

— Карт-бланш получен! — радостно воскликнул ещё не отличившийся Макс.

Я тихо выругался.

— Святой отец, а какая злая сила притащила вас к нам в столь поздний час? Только не говорите мне, что любопытство привело.

— Любопытство, конечно, присутствует, но не это основная причина. Депеша мне пришла час назад. Срочная. По линии моего ведомства. Вот я и собрался.

— А нас к себе пригласить — не проще было? Мы бы мигом прискакали. Мы не гордые.

— Пока не нужно, — загадочно ответил он.

— Хорошо, — удивился я. — А подкрадывались для чего? Мы же на самом деле могли прирезать.

— Решил потряхнуть стариной, — улыбнулся он. — Я же тоже разведчиком был.

— Падре, — заговорил Марся, — вы, видимо, давно им были. Подкрадываться вы разучились совсем.

— Грешен. Каюсь, — снова улыбнулся Сергей.

— Святой отец, а подробности депеши будут? — вернул я разговор в нужное русло.

— Будут. Но, боюсь, сын мой, в караул ты не скоро попадешь.

— Макс, — рявкнул я в сторону переводяги, пытавшегося по-тихому свалить в палатку, — так как ты сегодня не отличился, даю тебе эту возможность: пойдешь вместо меня менять Вартанчика.

— Алло, командир, — сразу набычился Макс, — почему я? Есть ещё два достойных, жаждущих подвига пулемётчика!

— Засохни, стрелочник. В отличие от тебя — они жаждали его молча. Не подавая звуковых сигналов. Поэтому ноги в руки — и марш собираться!

— Понял, — вздохнул Макс.

— Правильно про вашу группу говорили, — глядя на удаляющегося Макса, резюмировал Сергей, — никакой субординации!

Он перевел взгляд на меня, собрался и начал:

— Я не знаю, в курсе вы или нет, но я занимаюсь экзорцизмом, — он вопросительно посмотрел на нас. — Вижу, что в курсе. Значит, что это такое, вам объяснять не нужно. Так вот при нашем знакомстве в штабе у Ложкина я ощутил присутствие очень сильных языческих духов. Для себя решил, что показалось. Но после сегодняшнего письма из епархии понял, что был прав. Скажи мне, майор, ты и трое твоих бойцов действительно носят боевые языческие символы?

Вместо ответа я снял перчатку с правой руки и задрал рукав, демонстрируя Полоза. Сергей широко перекрестился и уточнил:

— А у остальных?

— У остальных: Орел, Секач и Волк.

— Откуда они у вас?

— Разве в письме нет этих сведений?

— Есть, но мне хотелось бы услышать подробности.

— Давайте так, святой отец: вы рассказываете версию епархии, а я сообщаю — соответствует она действительности или нет.

Он немного помялся и пересказал содержание письма. К моему удивлению, сведения, изложенные в нем, полностью соответствовали действительности. Ещё десять минут Сергей терзал меня уточняющими вопросами, а потом сообщил истинную цель своего визита:

— Мне поручено провести небольшой инструктаж.

— На какую тему? — с сомнением спросил Ильдар.

— На тему: «Безопасное сосуществование языческих духов и человека при нахождении в святых местах».

— Думаете, Череп не знает того, что знаете вы? — поинтересовался я.

— Череп — это генерал Черепанов? — уточнил Сергей.

— Он самый.

— Знает. И знает гораздо больше. Но мне приказано провести инструктаж. Скажу честно: я не в восторге от возложенной на меня миссии. Была бы моя воля — я бы изгнал этих духов из вас, но я не только пастырь. Я ещё и воин. А на данный момент ваше «зверьё» выступает на одной стороне с вами. Поэтому я потерплю.

— И сохраните себе жизнь, — вступил в беседу Олег, вернувшийся из леса.

— Ты, нечестивец, мне угрожаешь? — очень нехорошим тоном спросил Сергей.

— Предупреждаю, — с насмешкой ответил Олег и уселся вплотную к Сергию. — Сила нашего «зверья» такова, что каждый из них в состоянии убить вас в одиночку.

Святой отец собрался что-то ему ответить, но я решил пресечь разгорающийся спор:

— Замолкли оба! Дискуссию о силе православия, силе языческих духов и ставки на результаты их стол кновения закончите и сделаете после войны! Святой отец, проводите свой инструктаж, только ради всего святого: не скатывайтесь к проповеди. Нам всем, — я показал рукой на своих бойцов, — есть что возразить!

Сергий поджал губы, сплюнул и нехотя продолжил:

— В общем, так: как и любые сущности, обладающие некоей силой, ваше «зверьё» имеет сильные и слабые стороны. Про сильные вам расскажет Череп, — Сергей снова перекрестился, — а я заострю внимание на слабых. Их, к сожалению, всего две. Первая — при нахождении в святом месте любой истинной конфессии ваше «зверьё» теряет все силы и блокируется внутри вас. Иными словами, при нахождении в храме, мечети или синагоге вы становитесь обычными людьми. Максимум, на который способно «зверьё» в таких местах, — это общение с вами. Поэтому, если в ходе боевой операции вы планируете штурм или разведку святого места, — Сергей перекрестился, — учитывайте, что использование «зверья» или станет невозможным, или прекратится, если вы на момент проникновения будете одержимыми. Я ясно излагаю?

Вопросов не последовало. Сергей продолжил:

— Вторая слабая сторона — это экзорцизм. Вас правильно предупредили, что любая попытка изгнания вашего «зверья» повлечет гибель Воина Христова, совершающего отчитку...

— Чего совершающего? — вклинился Олег.

— Отчитку, — пояснил батюшка. — Отчитка, или чин над страждущими от духов нечистых, — это и есть экзорцизм.

— Понял, не дурак. Дурак бы не понял, — скороговоркой выпалил Олег.

— Продолжим. Избежать гибели и изгнать беса экзорцист может в одном случае — одержимый вводится в обряд изгнания на финальной стадии. Сразу поясню: при обычной отчитке одержимый присутствует на протяжении всего процесса. Логичным завершением является изгнание. В вашем случае меняется порядок читки и увеличивается время. Экзорцист начинает читку без одержимого, концентрируя все силы и внимание на одном месте. Дойдя до финальной части, он просто ждет, когда одержимый попадёт в это место. Сам случайно придёт или же его внесут туда. Как только одержимый попал в это

подготовленное место, обряд завершается за три минуты. Как вы, надеюсь, поняли, описанный мною способ очень напоминает хорошо подготовленную засаду. Вопросы есть?

— Есть, — сразу оживился я. — Если одержимый попадает в засаду, его «зверь» также блокируется внутри человека?

— Правильно.

— Сам одержимый в этот момент обездвиживается в силу читки или необходима помощь со стороны?

— Нужна помощь. Я же специально оговорился, что его могут внести.

— Подготовку описанной вами засады можно обнаружить простому человеку?

— Если знающий нюансы человек окажется в нужное время и в нужном месте.

— А «зверьё» может учуять?

— Может.

— А как же тогда готовить засаду? Я говорю не о том случае, когда жертву принесут. А о том, когда он сам вляпается. Существуют способы маскировки?

Сергий уважительно, как мне показалось, посмотрел в мою сторону.

— Только один: подготовка читки в святом месте. Энергетика, исходящая от святого места, аналогична той, что появляется во время подготовки к читке. Поэтому «зверьё» не сможет заметить ритуал.

— То есть в святом месте нужно расположить что-то очень ценное, чтобы заманить туда одержимого?

— Именно. Или просто захватить одержимого рядом со святым местом.

— А если это святое место не относится к православию и к христианству вообще?

— Не имеет значения. Ритуал изгнания может провести любой священнослужитель истинной конфессии в святом месте любой конфессии. Все признаки будут одинаковы. Я могу провести читку и в мечети, и в синагоге, и в буддистском храме. Ещё вопросы есть?

— Не вопросы, святой отец. Их можно назвать промежуточными выводами. Коих два. Первый: обучая нас «технике безопасности», если так можно сказать, вы косвенно указываете на то, что кто-то, кто воюет на противоположной стороне, обладает такими же знаниями, что и вы. А следовательно, может устроить охоту на таких, как мы. Я прав?

— Прав.

— Второй: рассказывая о технике «засадной войны», вы, опять-таки косвенно, описали совместную операцию одержимых и экзорцистов по отлову и уничтожению одержимых, воюющих на стороне противника.

— Чего? Как это? Ты серьёзно? — загомонили бойцы.

Проигнорировав их вопросы, я продолжил:

— Я прав, святой отец?

— Прав, — очень тихо согласился Сергей.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — задумчиво протянул Олег. Остальная общественность молчала. Судя по лицам моих оболтусов, нам всем в голову пришёл один и тот же вопрос, который я и озвучил:

— А теперь, внимание, — правильный вопрос: на нас будут охотиться экзорцисты противника при поддержке их одержимых?

— Да, — почти шепотом ответил Сергей.

— Значит, ваше начальство велело вам, священнику Русской православной канонической церкви, вступить в сговор с бойцами диверсионно-разведывательного

подразделения, одержимыми языческими духами, с целью поиска и уничтожения военнотружущих противника, являющихся одержимыми, или, хуже того, ликвидации священнослужителей иных конфессий, состоящих на службе в рядах противника и взаимодействующих с одержимыми?

— Звучит как приговор, — пробубнил Ильдар, а Сергей молча кивнул и закрыл лицо руками.

— Сочувствую вам, батюшка, — похлопал Сергея по плечу Микола и поставил на стол литровую бутылку с самогонот.

Выпили все. Даже Сергей. А потом ещё по одной. Мы обсуждали вырисовывающиеся перспективы, а Сергей молчал. Мы допили самогон, а он молчал. Ильдар принес спирт, который моментально выпили, а Сергей пил и молчал. А потом он уснул. Прямо за столом. И его аккуратно перенесли в палатку к медикам и положили на кровать Ильдара, а Ильдар ушел на старое еврейское кладбище менять на посту ничего не подозревающего русского еврея Борьку Зеймовича.

В пять утра нас, как обычно, поднял Микола. Умылись, размялись и полшестого встретили заспанных и озябших десантников. Микола вместе с Вартанчиком и Марсей натолкал в их пустые рюкзаки камней, килограммов по двадцать на брата, и погнал и нас, и их на пробежку. Потом были завтрак и инструктаж, поход на стрельбище и опять пробежка. Обед, полторачасовой отдых, пробежка и снова стрельбище, пробежка, ужин и инструктаж. К восьми вечера полуживых десантников на грузовике увезли в их расположение.

По такому графику и потекли оставшиеся до прибытия «Барона и компании» дни. Отец Сергей больше к нам не приходил, а когда мы выбирались в штаб, старательно нас избегал. Лейтенант Гареев не пережил тягот и лишений подготовительного периода и на пятый день убыл в тыловой госпиталь с очень редким для фронта диагнозом «нервное истощение». Диагноз ставил Зяма, и я сильно подозревал, что «нервным истощением» он завуалировал тяжелое сотрясение мозга (Микола не удержался), ушиб грудной клетки (а не нужно было переводчику дерзить), множественные ушибы голени и бедра левой ноги (Марся лоу-кик отработывал). В общем, загнали мои архаровцы блатника. Майоры Донских и Чагадаев старательно вставляли свои палки в наши колеса, чем достали нас «по самое не хочу». То грузовики для десантуры зажмут, то стрельбище занято, то кухня не желает их кормить вместе с нами — и так далее и тому подобное. Мы с Марсей уже начали было подумывать о нарушении приказа, полученного от Петровича, как однажды, в один прекрасный день...

— Товарищ майор, можно вопрос? — во время послеобеденной сиесты окликнул меня Егор, командир второго учебного взвода. Тот самый, что владел джиу-джитсу.

— Валяй, Егорище, — милостиво разрешил я.

— А когда нас рукопашному бою учить начнут? — После озвученного вопроса к нам начали подтягиваться и остальные десантники.

— А должны начать учить? — вяло поинтересовался я.

— Ну наших в ДШБ учат.

Я задумчиво поглядел на пацанят и очень вкрадчиво спросил у Егора:

— Скажи мне, Егорище, а для чего тебе или твоим сослуживцам, волею случая попавшим к нам в рабство, рукопашный бой?

— Ну как, мы же — спецназовцы. Мы должны уметь!

— Парни, — я уже обращался ко всем, — запомните всё, что я вам сейчас скажу.

Запомните и передайте другим.

Парни сгрудились поближе.

— Для начала приведу простой пример: Егорка, если у тебя заболит зуб, к какому врачу ты пойдешь?

— К стоматологу, естественно, — с недоумением ответил он.

— А почему не к окулисту или не к гинекологу?

— Так они врачи по другим органам и другим болезням!

— Вот! Запомни свой ответ! А теперь касательно рукопашки. Как говорил наш инструктор в спецшколе, самый злой инструктор: «Лучший прием в бою — это автомат Калашникова». Ещё он любил говаривать, что самый эффективный способ уничтожить противника — это навернуть ему дубиной по черепу, когда он спит.

Пацанята заулыбались.

— К чему, собственно, я процитировал Флагмана отечественного рукопашного боя, Матерщинника первой гильдии, Рыцаря без страха и упрека, Сади ста и Доброго православного христианина, Карпа, поднявшегося по водопаду, и прочее и тому подобное? Начнем с автомата. Егорище, ты, как я заметил, неплохой боец. На сегодняшний день ты уработаешь любого из вашей группы. Но вот представь: сидишь ты в тылу врага, и на тебя выходит группа противника из десяти человек. И каждый из них размером с нашего Миколу. Что ты можешь противопоставить из своего арсенала джиу-джитсу? Ни хре-на! К Миколу ты даже подойти не сможешь на расстояние удара. Его и дубиной не убьешь. Что же ты будешь делать?

И Егор, и пацанята задумались, поглядывая на Миколу.

— Я вам скажу, что вы будете делать: или сваливать максимально незаметно, или стрелять. Соответственно, вся ваша рукопашная подготовка одномоментно, со свистом, улетела коту под хвост.

— А ваша? — робко поинтересовался кто-то из десантников.

— И наша, — согласился я. — Применительно к Миколу есть только один прием: выстрел в голову из укрытия с применением бесшумного оружия.

— А почему из бесшумного?

— Потому что, если вы шмальнете из обычного и промахнетесь, жить вам останется очень недолго. Соответственно, вы должны очень хорошо стрелять, чему мы вас учим вторую неделю. А на случай промаха вы должны ещё и хорошо бегать, чему мы вас также учим. Это относится и к истине про «дубину»: вы должны очень хорошо стрелять и ещё лучше бегать. Это и есть ваша дубина. Не руками махать, а бегать и стрелять!

К нам подошел Петюня, задумчиво поглядывающий на дорогу.

— Товарищ майор, — не сдавался Егор, — но я видел ваши тренировки по рукопашке. Вы вчера своим бойцам какую-то связку показывали. Какую-то неправильную связку.

— Глазастый ты мой, — усмехнулся я. — Теперь возвращаемся к началу нашей лекции. Вспоминаем про стоматолога, иными словами — про... — Закончить я не успел, потому что Петюня резко выдохнул:

— Наши!!!

Я повернулся в сторону дороги, но ничего не увидел.

— Слушай, — шепотом велел мне радист. Я напряг слух. Где-то за лесом слышалась песня:

Шёл отряд по берегу,
Шёл издалека,
Шёл под красным знаменем
Командир полка...

Кто-то недружно, но на редкость душевно выводил «Песню о Щорсе». Обратив внимание на нас с Петюней, застывших в позе суслика в степи, высматривающего опасность, общественность начала принимать ту же позу. Через пару минут громкость песни усилилась, и из-за леса показалась гужевая повозка с четырьмя пассажирами. Три пассажира сидели в повозке, а четвертый ехал верхом на лошади, которая эту телегу и тащила. За повозкой, горлая революционную песню, двигался разномастный строй. Я вытащил бинокль. Верхом на лошади восседал Барон. В повозке сидели: неизвестный мне возница, Петрович и некто, сильно напоминающий раввина. Во главе строя шел Коваль, за ним, с пионерским флагом на длинном древке, шел Загребин, командир группы «Север», а дальше двигался строй «закатовцев» и «северян». Немногие свидетели этого парада стояли с открытыми ртами. Я посмотрел на своих прохиндеев и рывкнул:

— Становись!!! Марся, флаг!!!

Народ засуетился, а Марся встал как вкопанный:

— Какой флаг?! Нет у нас флага!

— У меня есть флаг! — спас положение Зяма.

— Марся, с тебя древко. Зяма, тащи!

Парни ломанулись выполнять указание командира. Я оглядел бойцов: десантура давно построилась и со смехом наблюдала за потугами спецназа изобразить нечто напоминающее шеренгу. Среди моих шла толкотня и ругань. Причиной ругани был вопрос относительно построения. Микола заявил, что ему «плювать с Эйфелёвой башни» на право офицеров стоять первыми, и нужно строиться по «выслуге лет». Термит, чей рост перевалил за метр восемьдесят, жестами объяснял, что ему плевать даже на «Эйфелёву башню», и строимся строго по росту, невзирая на звания и срок службы, а Макс и Ильдар, молча, пытались втиснуться перед Миколой, который их выкидывал из строя.

— Санёк, — ко мне подбежал Марся, — флаг готов.

— Маладца! Давай в строй!

— Только там загвоздка одна...

— Марся, потом. Давай становись уже! — Эх, лучше бы я посмотрел на флаг...

Марся моментально восстановил порядок, расставив всех по росту. Я разместился перед шеренгами и замер в ожидании. Через две минуты гужевая повозка с тремя пассажирами и наездником остановилась от меня в пяти метрах, а позади повозки выстроился «сводный отряд спецов». Я подождал, пока Барон спешится, и рывкнул:

— Смирно!!! Равнение на центр!!!

И, приложив лапу к уху, промаршировал к Ивлеву. Он также взял «под козырек».

— Товарищ генерал-ма... — На «майоре» я споткнулся. На плечах Барона красовались погоны генерал-лейтенанта. — ...Ма...ма...мать ети, лейтенант! — закончил я озвучивать воинское звание Ивлева. — Сводный отряд спецгруппы «Урал» и подразделения прикрытия ВДВ для торжественной встречи построен. Командир отряда майор Трофимов.

— Хорошее звание он мне придумал, а, Петрович?! — обернулся к стоящему возле

повозки, смотрящему куда-то в небо и с трудом сдерживающему смех Зимину. Барон повернулся и так же, как Петрович, задрал голову.

— А это что за порнография?!

Тут я вспомнил, что Марся предупреждал меня о «загвоздке» с флагом. Я зажмурился, повернулся к строю и посмотрел на «флагшток». Марся со своей частью задания справился хорошо: к телескопической удочке, украденной у Пашки, была привязана футболка нашего Ильдара, которую ему подарил Зяма. А на футболке была напечатана увеличенная до максимального размера советская почтовая марка. Марка была тематическая. Была она посвящена советской гинекологии, о чём имелась соответствующая надпись. Под надписью было написано «6к» — цена марки, «1968» — год выпуска марки, в правом нижнем углу слова «Почта СССР», а посередине очень подробно была изображена женская матка с частью маточных труб и частью влагалища. Эту футболку Зяма подарил Ильдару на «День акушера-гинеколога». Эту же футболку эта сволочь нацепила на удочку и сейчас с самой серьёзной мордой держала в руках. Я закрыл глаза и глубоко вдохнул. Петрович не выдержал и заржал. К нему присоединился Барон и остальные.

— Зяма сработал? — сквозь смех поинтересовался Барон.

Я кивнул головой в знак согласия.

— Вольно, — выдохнул Барон и протянул мне руку для приветствия.

— Вольно, — скомандовал я своим, и бойцы ринулись в сторону прибывших.

Спустя два часа, когда были выставлены дополнительные палатки и народ потихому уже дерябнул «за встречу», в штабную палатку были приглашены: Коваль и Загребин с заместителями, я, Марся, Микола и, ко всеобщему удивлению и Борькиному испугу, сам Зяма. Перед входом в «штаб» Марся повернулся к Зяме и предупредил:

— Молись, козленыш. В случае чего — у меня рука не дрогнет...

Борька показушно сглотнул, изображая испуг, и огрызнулся:

— Топай давай, председатель расстрельной ко манды.

За большим столом, стоящим посередине палатки, расположились Барон и Зимин. Перед ними стояла початая бутылка коньяка, пара банок тушёнки и буханка черного хлеба. Некто, похожий на раввина, сидел в углу и молился. Ни возницы, ни лошади с телегой не было, так как все трое были местными и были наняты Бароном для эффектного появления в нашем расположении.

— Стаканы там, — показал на коробку возле двери Петрович. — Проходим и присаживаемся.

Взяв по стакану, мы разместились за столом. Петрович молча разлил коньяк и поднял стакан:

— За встречу, ребяташки!

— За встречу, сынки! — поддержал Барон.

— За встречу! — откликнулись мы.

Коньяк оказался первостатейным. Барон достал сигару, откусил кончик, долго ее раскуривал, а потом начал:

— Рад видеть вас, «уральцы»! Вижу, устроились вы неплохо. Про работу с десантниками расскажете потом. Мне скоро ехать в штаб, поэтому быстро введу вас в курс дела. Завтра сюда прибывает большая группа генералов. Нас среди этой банды пустобрехов интересуют две личности. Первая — это профессор Черепанов, который проведет среди вас инструктаж.

Второй личностью, интересующей нас, является генерал-полковник Юнусов, — Барон с подозрением нас оглядел, выискивая тех, кто знает или слышал про Юнусова. Убедившись, что, кроме вялого интереса, не последовало никакой реакции, он продолжил: — Официальная версия его прибытия — инспекция командного состава ВДВ. Неофициальная — отбор офицеров в очень специальную школу, по сравнению с которой «Валгалла» — это санаторий с усиленным питанием. Поэтому приказываю: при любых его попытках заманить вас ту да — посылать товарища генерал-полковника в пеший эротический тур. За последствия не бойтесь. Сашка, — Барон ткнул в меня сигарой, — к тебе и к Марселю будет особое внимание. Коваль, ты тоже будь готов. Он товарищ настойчивый, может и второй раз попытаться. Кстати, чуть не забыл! На завтра же, в честь приезда высоких гостей, намечен военно-спортивный праздник.

Со стороны Коваля, его зама — Андрюхи Бойченко, который, как и Коваль, был профессиональным военным, и нашего Миколы послышались приглушенные матюги. Мы озадаченно уставились на них.

— Дмитрий Михайлович, — робко поинтересовался Марся, — а что такое военно-спортивный праздник?

— А тебе Коваль, Андрюха и Микола объяснят, — усмехнулся Барон. — Ну всё, братцы мои, я поехал.

— Товарищ генерал, — тормознул я Ивлева, — а Зяму на кой черт вызывали?

— Точно! — хлопнул себя по лбу Барон и скомандовал: — Все дружно посмотрели в угол палатки. В углу мы видим практически библейскую картину: «Раввин, молящийся за победу избранных и примкнувших к ним гоев».

Раввин, восседавший в углу, недовольно посмотрел на Барона.

— Собственно, ради этого интересного человека я Зяму и вызвал! Зяма, голос подай!

— Гав-гав, — выдал Борька.

— Боренька, — елеинным голосом начал Барон, — ты, помнится, мечтал о татуировке Моше Даяна и Маген Давиде. Так вот считай, что твоя мечта осуществилась. Старец в углу, что выглядит старше пирамид, прибыл сюда с целью сотворить из тебя одержимого, чем обречь твою душу на муки адовы! Прошу любить и жаловать: раввин Сруль Шмулевич!

— Мир вам, дети мои, — поприветствовал нас раввин. Голос его никак не вязался с внешностью. Таким голосом, низким, хриплым и — людоедским, что ли, незабвенный Комарницкий материл своих морпехов.

— Здравствуйте, — озадаченно протянули мы.

— Зяма, ты в его полном распоряжении, — велел Барон, довольный произведенным на всех эффектом.

— Ага, — пробубнил обалдевший Борька.

Как только Барон вышел, раввин встал, осмотрел нас хмурым взглядом и скомандовал Борьке:

— Ну что, дряни кусок, пошли, подышим.

— Это он сейчас кому? — поинтересовался у присутствующих Зяма.

— Тебе-тебе, шлимазл мелкий, — подтвердил Шмулевич.

Борька шумно выдохнул, что свидетельствовало о его «закипании».

— Сейчас прольется чья-то кровь, сейчас прольется чья-то кровь... — тихо запел Коваль.

— Слышь, ты, свинья с пейсами, — сразу пустился в оскорбления Зяма, — мне, трижды

заработавшему Великое отлучение, плевать...

— Боря, твой дед был цадиком? — не обращая внимания на оскорбления Зямы, перебил его раввин.

— Предположим, — протянул тот.

— Тогда, трижды шлимазл, закрой свой поганый рот и топай на выход. Пообщаемся без свидетелей!!!

А потом он выдал монолог на иврите. Длился монолог минуты полторы. За эти полторы минуты Зяма покраснел, побледнел, едва не кинулся на раввина с кулаками, плюнул в его сторону, смачно выматерился, но — вышел. Раввин молча последовал за ним. Мы, открыв рты, проводили пару «избранных» взглядом. Ещё через минуту Коваль задумчиво протянул:

— Я не знаю, что это за кадр, но на всякий случай начинаю его бояться! Так опустить Зяму и не получить по морде может лишь не только очень языкастый, но и очень смелый человек...

— Бойтесь его, — улыбаясь, посоветовал Петрович. — Очень бойтесь.

— Петрович, кто это? — спросил Марся.

— Тебе же Барон сказал — это раввин Сруль Шмулевич.

— Я не глухой, — огрызнулся Марся, — конкретику давай.

Петрович хмыкнул и ответил:

— Чтобы не пускаться в долгие объяснения, скажу коротко: он, как и отец Сергей, экзорцист, но от иудаизма.

— Поэтому он такой борзый? — продолжал опрос Марся.

— Нет, мой наивный друг. Борзый он потому, что уделает любого из вас голыми руками. А одержимых — одной рукой.

От удивления у нас открылись рты.

— Подробности будут? — поинтересовался я.

— Нет, — отрезал Петрович. — Когда он «обратит» Зяму, сами всё и увидите. И почувствуете.

Слово «почувствуете» прозвучало как-то зловеще...

— Так, Бармалей, — Петрович повернул беседу в рабочее русло, — собирай десантуру и пошли на стрельбище. Покажете, чему их научили.

Мы медленно поднялись, я бы сказал нехотя поднялись, и вышли из палатки. Недалеко стоял задумчивый Ильдар.

— Саня, куда этот старый еврей повел Зяму?

— Хороший вопрос, друг мой. Я сам не знаю.

— Не к добру это... — неопределенно вздохнул Ильдар, переживая за своего напарника.

Зяма вернулся через три часа, сразу после того, как мы приехали со стрельбища. Петрович остался доволен нашими результатами и милостиво разрешил остаток дня посвятить безделью. А Зяма был крайне задумчив и крайне молчалив. Особенно всех напрягал тот факт, что задумчивость и молчаливость были на фоне заплавленного глаза и красного, оттопыренного от хорошего удара уха. Он сел возле входа в свою палатку и минут сорок что-то бормотал. Было ощущение, что он спорит сам с собой. Что именно он бормочет, мы разобрать не смогли, так как Ильдар не подпускал нас к Борьке ближе чем на два метра.

Наконец Зяма пришел к консенсусу, поднялся и громко оповестил всех присутствующих:

— А, долбись оно конем! — помолчал и добавил: — Всё равно в рай не попаду... да,

командир?!

— Стопудово! — подтвердил я не озвученную Борькой мысль.

— Татарин, — Зяма обратился к Ильдару, стоящему возле него, как сторожевой пес, — братка ты мой верный. Дай закурить и пошли помощь мне окажем. Ухо болит. А я тебе налью коньячку кружечку.

Когда медики скрылись в палатке, ко мне подошел Коваль:

— Саня, что происходит в этом мире?

— Зяма выбрал ад... — ответил я очень серьезно. Так серьезно, что Коваль замолчал и как-то испуганно на меня посмотрел. — Леха, не забивай голову. Всё равно там все встретимся. Ты лучше про военно-спортивный праздник расскажи.

— Про праздник... — протянул крайне задумчивый Коваль. Потом он тряхнул головой, приходя в себя, и обычным тоном сообщил: — Военно-спортивный праздник, друг мой, это когда приезжает толпа проверяющих, от полковника и выше, а проверяемые, от полковника и ниже, демонстрируют свои достижения в беге, стрельбе и, самое главное, в строевой подготовке!

— Надеюсь, в противогазах бегать не придется? — поинтересовался Марся.

— Главное, чтобы не в ОЗК, — добавил подошедший Бойченко.

— Бег, друзья мои, — продолжал Коваль, — это не самое страшное. Самое страшное в том, что основная масса проверяющих — это мудаки первой гильдии, которые ничего не знают и ничего не помнят, профессионально лижут задницы своим начальникам и спят и видят, как бы до чего докопаться. Поэтому настоятельно советую: всем, кто в звании ниже майора, из расположения не выходить, а если выходить, то только в сопровождении командиров. Лучше в сопровождении Петровича. До Петровича ни один дурак не докопается.

— А про Юнусова что скажешь? — спросил я.

— А что тут сказать? Подойдет и прямым текстом предложит пройти обучение в его школе. Будет красочно расписывать возможные перспективы, в случае отказа начнет пугать. И уговаривать, и пугать будет крайне убедительно. Поэтому предлагаю цитировать любимого командира и посылать на три веселых буквы. Кстати, Саня, а почему ты не спрашиваешь про школу Юнусова? Марся вон как от любопытства лопается.

— Так мне уже кое-кто глаза приоткрыл... — уклонился я от прямого ответа.

— Петрович случайно проболтался? — усмехнулся Коваль.

— Судя по всему, как и тебе когда-то, — поддержал я Леху.

— Слышьте, панторезы-секретчики, — не выдержал Марся, — вы рассказывать будете?

— Пошли, — хлопнул я Марсю по плечу, — открою тебе страшную тайну...

Следующее утро преподнесло массу сюрпризов. Во-первых, с подачи наших заклятых друзей Донских и Чагадаева, подученных нами десантников отправили обеспечивать безопасность прибывающих генералов. Во-вторых, наша попытка совершить утреннюю пробежку была сорвана комендантским патрулем, возглавляемым лупоглазым майором. Сорвана прямо у нашего лагеря. Майор бешено вращал глазами и визжал, что любое перемещение в данном секторе до двенадцати часов запрещено. На его визг вышли заспанные Барон и Зимин. Барон, вникнув в суть происходящего, сообщил хмурому Зимину: «Он меня утомил», — и удалился обратно в палатку. А Петрович отогнал нас подальше и что-то быстро объяснил майору. Тот смолк и максимально быстро испарился. Петрович проводил его хмурым взглядом и велел:

— Физкультура отменяется. Всем чистить форму и обувь, — после чего ушел спать.

В-третьих, мы остались без завтрака, так как покидать расположение до двенадцати часов нам было запрещено.

Ближе к обеду, когда три группы, голодные и злые, сверкая как медные тазы, были построены возле командирской палатки, перед нами выступили с торжественной речью отцы-командиры. Барон явился в парадной форме, весь увешанный наградами. У присутствующих отвисли челюсти. Ивлев толкнул речь минут на десять, существенно обогатив наш словарный запас матерных слов. Удовольствие от его выступления получили все. Оно было посвящено предстоящему визиту генералитета и нашему месту в этом судьбоносном событии. А Зимин, как всегда, был лаконичен:

— Если хоть один гамадрил бесхвостый — это я про вас — залетит на чём-нибудь сегодня — порву всю группу. Увижу рядового без офицера — сразу вешайтесь. Даже в сортир ходить в сопровождении офицера. Выдвигаемся к штабу, участвуем в торжественном построении и так же, организованной бандой, отступаем в расположение. В бой не ввязываться. Пленных не брать! Пошли, соколики!!!

И мы пошли.

Добрались и построились без жертв и разрушений. Так же, без потерь, отстояли построение. Но вот отступить мы не успели. Зимин почти вывел группу с центральной площади, когда нас развернул курьер от Барона. Возле штаба в ожидании томились Барон и Черепанов. Барон позвал к себе меня, Марсю, Ильдара и Олега, а остальную банду оставил под охраной Петровича вне зоны слышимости.

— Приветствую, господа одержимые, — улыбнулся Череп.

— Здравия желаю... — в ответ затаили мы, но нас прервал Барон:

— Так, бойцы, дурью не маемся. Перед вами сейчас не генерал, а языческий воин. Поэтому говорим просто, но с уважением.

Череп усмехнулся и спросил:

— Все со своим «зверьём» ладили? — Не получив отрицательных ответов, он продолжил: — Завтра вечером мы зайдем к вам в гости...

— Мы? — перебил его Олег.

— Ядвига тоже приехала, — угадал ход мыслей Олега Череп. — Нужно поговорить с ребе и оценить объём работы.

— Какой работы? — спросил я.

— Будем, Сашок, из твоих бойцов делать одержимых, — ошарашил меня Череп.

— А из «Заката» и «Севера»?!

— Нет. Их трогать нельзя.

— Рожей не вышли? — поддержал разговор Ильдар.

— Когда нас с вами слишком много в одном месте — это нехорошо! — загадочно ответил Череп.

— Типа, критическая масса будет превышена? — вставил слово Марся.

— Что-то вроде того, — так же неопределенно ответил Череп. — Ребятушки, — он оглянулся по сторонам, — ваш непосредственный начальник, гений конспирации, выбрал не самое удобное место для разговора. Поэтому дождитесь завтра. Тогда все и узнаете.

— Свидание окончено, — с улыбкой сообщил Барон. — Саня, Марся, останьтесь, а остальные свободны.

Череп вальяжно ушел в здание штаба, Олег и Ильдар в кратчайшие сроки

телепортировались под опеку Зимина, а Барон, не обращая на нас внимания, продолжал кого-то искать в толпе военных. Наконец его взгляд выискал нужную личность, и он жестом приказал следовать за ним. Через минуту мы стояли рядом с полковником Ложкиным и ещё одним генералом-десантником. Судя по форме, генерал был из проверяющих. Барон представил нас вэдэвэшному генералу и сразу сообщил:

— Это, Иван Александрович, мои янычары, которые твоих пацанов нашей науке учат.

— Ах, вот оно что! — сразу сообразил тот. — Приятно познакомиться, «уральцы».

Он пожал нам руки и тут же начал допрашивать меня и Марсю, периодически спрашивая подтверждение у Ложкина. Наша беседа уже подходила к завершению, как:

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться к товарищу генерал-майору? — Рядом с нами появились Донских и Чагадаев.

— Разрешаю, — чуть удивленно ответил Барон.

— Чего вам, орлы?! — с чувством гордости за своих бойцов поинтересовался Иван Александрович. Его гордость можно было понять: на фоне майоров-десантников мы с Марсей выглядели как бухенвальдские крепыши. Про внешний вид можно было не говорить. Если проводить аналогию с автомобилями, то на фоне десантуры мы были как два старых «москвичонка» рядом с новыми «роллс-ройсами».

— Товарищ генерал-майор, — бодро начал Донских, — сегодня в финале военно-спортивного праздника будут показательные выступления ДШБ. Мы с майором Чагадаевым, в целях укрепления дружбы между нашими родами войск (он кивнул головой в нашу с Марсей сторону), решили выступить с предложением о проведении двух товарищеских боев между мною и майором Чагадаевым со стороны ВДВ и майорами Трофимовым и Сунгатовым со стороны спецназа пехоты.

Десантный генерал секунд тридцать переваривал услышанное, а потом протянул:

— Вы с ними подраться, что ли, хотите?

— Не подраться, товарищ генерал-майор, а провести две схватки по рукопашному бою, — поправил генерала Донских.

— Ну я и говорю: подраться! — не согласился Иван Александрович. И сразу спросил у нас: — Чего скажете, пехота?

— Только с разрешения товарища генерал-лейтенанта, — моментально ответил я, надеясь, что Барон зарубит эту инициативу на корню.

— Михалыч, — многозвездный десантник с усмешкой и нескрываемым превосходством посмотрел на Барона: — Позволишь воинам потешить удаль молодецкую?!

[Купить полную версию книги](#)